

**ИМАН
КАЛЬБИ**

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

**ЛЮБОВЬ
БЕЗ
ПРАВИЛ**

ЧЁРНЫЙ ТИГР

18+

Иман Кальби

Черный Тигр. Любовь без правил

«Автор»

2026

Иман Кальби

Черный Тигр. Любовь без правил / Иман Кальби — «Автор»,
2026

Она — бедная студентка, которой не на кого рассчитывать. Он — чемпион ММА, которого боятся даже самые опасные люди. Между ними пропасть, но одна случайная встреча навсегда изменит их судьбы. История о любви, которой придётся пройти бой без правил.

© Иман Кальби, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Иман Кальби

Черный Тигр. Любовь без правил

Пролог

— А ты что хотела, дурочка? — надменно смотрит на меня Элина. — Ты просто игрушка богатого молодого кавказца, которому нравится, что его постель и ужин согреты... А на ковровых дорожках и крутых тусовках он со мной!

Не знаю, что мог найти во мне Саид Гаджиев — звезда боёв ММА, сын олигарха и главный мажор нашего института, но он сделал всё, чтобы я стала его...

Стал моим первым мужчиной, поселил у себя дома и говорит, что я его мир... Но на публике рядом с ним блистает другая — модель и инфлюенсер. Я люблю его, но смириться с этим не могу...

Ему тоже будет больно, как и мне...

Глава 1

— Слышь, ты, мелкая! — меня со спины окликает неприятный низкий бас водителя заведённого внедорожника, стоящего в паре метров от входа в университетское общежитие. — В десять будь готова. Покатаю тебя.

Головорезы, обступившие его танк, дружно начинают скалиться и ржать, а у меня кровь от лица отливает. Сколько вообще мы будем терпеть этот беспредел? Куда смотрит полиция? Ректорат...

Да кого я обманываю — в кошельки этим уродам смотрят...

А мы терпим этот крошечный ад утром, днём и вечером.

Рядом с университетским общежитием уже года три как находится закрытый, мрачный ресторан, круглые сутки искушающий вечно голодных студентов неземным ароматом шашлыков. Вот только идти туда никто из наших не торопится... Не только потому, что ценник не потянем. Дело в том, что там окормляются бандиты, совершенно не скрывающие рода своей деятельности.

А ещё привыкшие совмещать приятное с полезным — и то и дело затаскивать себе в машины несчастных студенток, живущих в общежитии...

Я думала, что меня пронесёт. Что с меня взять? Маленькая, неприметная, в обычной широкой серой куртке и объёмной шапке...

Моей фатальной ошибкой было поддаться отчаянному порыву первых отголосков весны в виде журчащей ручьями оттепели, стащить с головы шапку и распустить белые волосы...

— Алло, ты слышала, соска?! — прилетает снова в спину, когда я уже поднимаюсь с Веркой к турникету входа, делая вид, что это не ко мне обращаются. — Кому сказал?!

В следующее мгновение чувствую на локте болезненный захват, разворачивающий меня на сто восемьдесят градусов.

Верка испуганно пищит и отскакивает в сторону. Боится, как бы и по ней не отприкошело...

— Пустите! Что Вам надо?! Никуда я с Вами не пойду!

Снова гогот. Так ржут над умалишёнными или глупыми такие, как эти...

— Тигриного молока что ли обпилась, а сосочка?! — надо мной нависает пугающий своими габаритами громила, весь истыканный уродливыми сине-зелёными татуировками. Нервно сглатываю. Господи, такой разжует и не подавится...

— У меня парень есть! — проглатывая жалость к себе, отчаянно вру.

Он лыбится, а его дружки начинают ржать ещё сильнее.

— Познакомишь с этим очкастым ботаном? Может, он нам тебя подарит, если я ему два раза дам за руль своего коня подержаться?

Ужас ситуации в том, что проходящие мимо студенты — многие из которых ведь даже лично знают меня — только прячут голову в плечи и ускоряют шаг.

Никто не заступится, никто не поможет...

Да и как помочь? Два месяца назад вот точно такой же дерзнувшей сказать «нет» девочке вот такой точно урод на этом самом месте ногу прострелил. И что вы думаете? Как-то это на что-то повлияло? Ни на что...

Она даже лечилась за свой счёт, а за отсутствие на парах, пока лежала в больнице, чуть не отчислили... Одна правдурубка-преподавательница по истории Востока встала в позу — незачёт, и всё, не допущена к экзамену. А аргумент убийственный: сама виновата, связалась малолетка с бандюганами... Как будто эти бандюганы спрашивают...

— Он не ботан и не очкастый, а вас за пояс заткнёт! — несу полнейшую чушь, сама офигеявая от своей глупости. Что я творю?! Какой парень?! Да меня вообще как девушку не воспринимают даже эти самые ботаны! Да и не нужно мне это, не до того — учёбы много, на первом курсе очень сложно втягиваться в программу, да ещё и язык дали какой: хинди — это вам не английский. Его на раз-два не изучишь... Корплю ночами...

Бугай всё-таки отступает и противно скалится.

— Ну, раз такой он у тебя крутой, а у его девки язык длиннее трассы Волга-Дон, то придёт в десять вместо тебя и скажет мне в лицо, что ты его. А если напиздеда, а мой нюх чует, что ты, соска дерзкая, напиздеда, то тебе кабзда... Хотел себе оставить, а пуцу по кругу. В назидание другим дурам...

Когда мы с Веркой всё же заходим в фойе общаги, я даже ног и рук не чувствую.

Тотальный парализующий страх...

Господи, куда я вляпалась...

Как же так-то?! Почему я?! Ведь у нас и без меня есть девочки, которые сами не прочь с такими, как этот бугай... Я ведь это тоже вижу — и как они ночами вылезают из их машин, и как пропадают целыми днями, прогуливая пары, а потом появляются в обновлениях...

— Капец, Лизок, — растягивает Вера, пока тащит меня к лифтам. — И что ты теперь делать будешь?

— Не знаю... — голос предательски дрожит вместе с нижней губой. В зеркале лифта я выгляжу трагикомично. У меня от природы здоровенные губищи, и потому в школе с пятого класса я была «губошлёпкой». Почему-то факт того, что такими губами Анджелины

Джоли завоевала себе титул секс-символа столетия, моих одноклассников не останавливал. Где Джоли, а где я — Иванова Лиза из третьей среднеобразовательной школы Купавны. Как понимаете, уверенности в себе этот постоянный глум мне тоже не придавал...

— Ты же понимаешь, что после твоих слов теперь так просто не отделаешься? Какого парня ты ему представишь?

Не выдержала, всё. В носу предательски защипало, глаза стали сухими, веки кололись изнутри... Сейчас разревусь...

— Так, в руки себя бери, Лизун! Ты что?! Времени не так много! Надо тебе парня искать срочно! И не очкастого ботана, получается...

Взвыла жалобно, скуля над своей ничтожностью.

— Вер! Какой парень?! Кого я найду?! За полгода учёбы не нашла, а за пару часов найду?! Ещё и такого... как я описала... Такие не смотрят на мелких серых мышей вроде меня!

Упала на кровать с разбегу, больно саданув копчиком по скрипучему жёсткому матрасу. Господи, что будет...

Вера деловито подошла к окну и застыла, имитируя раздумья...

А потом вдруг встрепенулась, как воробушек...

— Слушай... А я, кажется, знаю, кто идеально подойдёт на роль твоего бойфренда...

— Кто? Конан-Варвар? — не могла не сосстрить. В моей ситуации вероятность встретить реального защитника была примерно равной воскресить легендарного исторического персонажа...

— Нет, не Конан-Варвар! Кое-кто покруче и погорячее, — лукаво подмигнула, обернувшись на меня. — Чёрный Тигр...

Глава 2

— Вер, ты ку-ку? Гаджиев на таких, как я, даже не смотрит. Если бы я попалась ему на пути, он бы наступил и прошёл мимо.

— Ну, не утрируй... ты, конечно, мелкая, но не муравьиха же... Я и не говорю, чтобы ты шла и обольщала его. Это реально бесполезно с учётом того, какие шикарные тёлки модельной внешности вечно трутся вокруг него. У него сейчас, кстати, шуры-муры с Берсеновой Элиной — это которая популярная модель и инфлюенсер. Учится с ним на одном курсе. Но... Просто он единственный, кого бы эти уроды зассали трогать...

— Ты сама себя слышишь, Вер? Берсенову он защищать и будет! Я-то при чём?

Про то, что Саид Гаджиев, он же Сэм для своей мажорной тусовки или Чёрный Тигр для фанатов боёв без правил, был крайне непростым, говорило сразу несколько фактов. Мало того, что его отцом был очень влиятельный политик, за плечами которого стояли большие капиталы, приумножать которые Саид и учился в университете, он и сам по себе был не просто богатым буратинкой за папкой — в узких и не только кругах Гаджиев был известен как один из самых успешных ММА-бойцов, с лёгкостью заваливающий на октагоне своих соперников отточенной техникой боевого самбо, за что получал сотни тысяч долларов. И пусть «эта шалость», как любили шептаться за спиной именитого парня, иногда выбивала из учебного строя, Гаджиев не был дебилом или повесой.

И хамом он тоже в целом не был. Он просто был небожителем. Мать его, самим Марсом или Аресом, который, конечно же, не спускал даже быстрого поверхностного взгляда, не то чтобы внимания, на таких, как я, Верку и мне подобных «общажных крыс», как любили нас дразнить мажоры.

— Как ты себе это представляешь?

— Каком кверху, — усмехнулась Верка. — Подойди и расскажи всё, как есть. Попроси заступиться. Эти кавказцы любят играть в благородство, если речь идёт не об их хотелках. Может, и прикроет. Да и вообще, им только повод дай подраться. Так что его тема... Вон, он как раз с друзьями стоит на парковке у тачек в кампусе. Шапку только не напяливай, чтоб они хотя бы поняли, что ты не пацан, а девка...

— Вера, это стыдоба... — вымученно протянула я.

Подруга лишь хмыкнула.

— Газуй, малахольная! А то уедет твой потенциальный спаситель! Что-то я другого варианта выхода из ситуации не вижу, да и ты не изобилуешь идеями! Пошлёт и пошлёт. Тебе о более серьёзных проблемах надо думать.

— Ладно... — выдохнула тяжело. Напялила куртку, кеды, посмотрела на своё жалкое отражение в зеркале... Мда... Глаза вспухшие и заплаканные, нос красный, как у клоуна. Взяла

блеск с трюмо, намазала на обветрившиеся и искусанные от волнения губы. Капец... Ещё более жалкое зрелище.

Раздражённо стёрла его с лица, от чего сразу создалось ощущение каких-то накусанных, истерзанных губ... Да по фиг! Всё равно королевой красоты не стать!

Решительно пошла на выход. И правда, терять уже нечего...

Глава 3

— Я очень надеюсь на Вашу помощь, — давась унижением и подступающими к горлу предательскими рыданиями, повторила я, попытавшись абстрагироваться от гогота его ком-пашки, слышавшей каждое моё слово. Разумеется, отходить от друганов и отцеплять от себя длинноногую брюнетку под два метра ростом, которая, видимо, и была тем самым моде-лью-инфлюенсером, он тоже не стал. И на меня даже не взглянул.

Стоило только резюмировать то, что я от него хочу, все вокруг заржали, включая его самого, а он сказал короткое «нет» и направил ключ на свой суперкар, разблокируя с писком сигнализацию.

— А я думала, Вы и правда мужчина и чемпион! — закричала с отчаянием ему в спину, когда он уже начал обходить тачку, предварительно усадив модель и шлёпнув её по заднице. — А Вы... просто жалкий мажор! Клоун!

Вмиг гогот вокруг затих. Саид тоже замер.

Медленно развернулся на меня и впервые опустил глаза, чтобы встретить мой взгляд.

Я была ниже на две головы. А по ощущениям — муравьишкой у него в ногах...

Злой. Дьявольски красивый и злой. Ноздри неистово раздуваются, как паруса, отросшие чёрные прямые волосы спадают на лоб. Из выреза чёрного свитера поверх кожаной куртки вид-неется цепь. При любом другом раскладе я бы такого обошла за километр... как сейчас принято говорить? Красный флаг! Именно! Кроваво-красный флажище размером с футбольное поле!

Снова обходит машину и оказывается в шаге от меня. Я даже слышу аромат его парфюма. А может, это и не парфюм, а он сам... Запах острый, пикантный, мускусный, древесный.

— Ты что сейчас сказала, мелочь? Язык длинный, смотрю, у тебя.

— Это я уже сегодня слышала, — отвечаю почему-то вдруг ставшим сиплым голосом. — И за это, судя по всему, огребу, если Вы не вмешаетесь.

Он наклоняет голову, молча изучая меня. Словно бы я экспонат или насекомое... Скорее второе... К экспонату хоть есть интерес, а тут... даже не знаю, как описать те эмоции, что играют на его колоритном лице.

— А может, и хорошо, что получишь? Может, заслужила?

Сжимаю кулаки до побеления костяшек. Он цепляет мой жест взглядом.

— Они не имели права меня оскорблять. Он не имел права мне такое предлагать. Я не давала повода. Совершенно точно.

Снова окидывает глазами. Себе под нос бурчит.

— Что не давала, так точно...

Я ещё больше ежусь, чувствуя на себе не одну пару глаз.

Это он так сейчас меня оскорбил? Типа я серая мышь? Но вообще да.

Что тут оскорбляться. Я никакущая мелкая серая мышь. Особенно на фоне вот таких звёзд, как сидит у него сейчас в машине...

— Сэм, ты скоро? — растягивает она и капризно откидывает волосы.

Парень её игнорирует.

— Почему я? — спрашивает в лоб. — Найди себе нормального парня и пусть защищает.

— Потому что просто нормальный парень не защитит...

— А какой защитит?

— Как Вы...

Говорю, опускаю глаза и краснею...

— Они не посмеют поднять руку или пойти против Саида Гаджиева...

— Мелочь, меня не пугает то, что они поднимут руку. Я просто в душе не ебу, на хрена это мне? Я тебя знать не знаю. С какого черта мне тратить свой вечер в компании друзей на разборки ради тебя?

— Потому что Вы кавказец, а они не бросают женщин в беде, — говорю, чувствуя, как дрожит голос. — Мне никто не поможет... Я когда стояла с ним... — всё, срываюсь на плач. На нелепый жалобный писк. Жалкая. Жалкая и нелепая на его фоне... — Все мимо шли. Никто даже головы не поднял... Как страусы...

Смотрю на мыски своих сапог. Всхлипываю. И даже его друзья затыкаются, а может, просто уже потеряли интерес и расселись по своим шикарным тачкам.

— В десять? — спрашивает он грубо и сипло. — У общаги он стрелку забил?

— В десять... У общаги, да... — говорю и выдыхаю, не веря тому, что он спрашивает... неслучайно...

Протягивает мне телефон. Не сразу понимаю, что он хочет.

— Пиши свой номер. Я как разберусь, кину тебе вызов. Сиди в своей конуре и не вздумай нос наружу совать. Усекла, мелкая?

— Усекла...

— Молодец, раз усекла. Послушная девочка.

Глава 4

Нервы не дают расслабиться ни на мгновение. Я в ужасе. В тотальном ужасе. Одна только мысль о том, что совсем скоро наступит час икс, заставляет внутренности кувыркаться в диких сальто снова и снова.

Дышу через раз. Пропускаю мимо ушей нервные, даже взбудораженные смешки Верки и её дурацкие комментарии о том, что будет.

Когда часы неумолимо приближаются к десяти часам, и вовсе чувствую себя как в про-
страции.

— Ну пойдём, а? Хоть одним глазком взглянем! Знаешь, какой сексуальный Тигр, когда дерётся? Я иногда смотрю его бои. Трусики намокают мгновенно! — ухмыляется она, мечтательно закатывая глаза.

Меня изнутри выворачивает! О каких трусиках она сейчас думает, когда...

— Нет, не пойду, — я помню этот до предела суровый чёрный взгляд, подавляющий и авторитарный. «Не высовывайся»... И не собираюсь... Пусть решит проблему, раз уж впрягся — и всё. На этом моё взаимодействие с этим человеком сразу закончится раз и навсегда...

Десять минут одиннадцатого, двадцать, тридцать... Я нервно сжимаю в руках телефон, то и дело кидая обеспокоенные взгляды на экран. Он сказал, что кинет вызов, когда всё закончится... А вдруг его избил? А вдруг он вообще передумал и не приехал? Что тогда со мной будет?

Страх парализует. Господи, я, наверное, лет пятьдесят своей жизни потеряю после этих нервов... В ушах нарастает гул.

В этот самый момент слышу шум в коридоре. Пацаны что-то активно обсуждают и суетятся. Перекидываются смешками и зовут вниз. Посмотреть на «стрелку и мочилово».

Заторможенное сознание подсказывает мне, что это про ту самую драку, от которой моя жизнь зависит. Именно жизнь... Потому что если Тигр проиграет и ко мне прикоснётся этот громила, я убью себя. Не смогу жить с чувством отвращения...

— Пойдём! — шипит Верка и всё-таки утаскивает меня наружу на автомате.

А я даже куртку успеваю накинуть на плечи. И волосы собрать в пучок, как делаю в ста процентах случаев, если выхожу на улицу. Моя белая длинная копна ниже попы дико тяжёлая. А волосы нужно беречь... Я планирую их отрезать и продать в студию наращивания через месяц. Стилист обещал не меньше трёхсот долларов, а деньги мне нужны позарез...

Вылетаем наружу вместе с толпой. Все перешёптываются, переговариваются. Всё смешалось — возгласы и взвизгивания девиц, энтузиазм и опаска мальчишек.

Когда я смотрю вперёд, невольно затыкаю рот рукой.

Это драка. Это, мать его, настоящая дикая драка.

Две машины, возле обеих группа суровых мужчин. Посередине — Саид и этот громила.

Громила лежит на асфальте, Саид возвышается сверху и наносит планомерно удар за ударом по окровавленному лицу.

Перед моими глазами темнеет. Я не переношу вида и запаха крови. Гул в ушах, не отпускающий уже несколько часов, только усиливается.

— Я сказал тебе, с**ка, ещё раз к ней подойдёшь на метр — прикопаю, усек, чмо?

— Ты кого чмом назвал, чёрный? — пытается артачиться явно уже поверженный морально и физически урод.

— Я сказал тебе, петух! Никто ты и звать тебя никак, — встаёт с него Саид и презрительно сплёвывает в сторону. Каким-то образом выцепляю взглядом, что в его слюне тоже кровь... Господи... — Только и можешь тёлочку пугать у общаги, смельчак... Серьёзные люди тебя предупредят, если слов не понимаешь...

— Хороши слова, — усмехается кто-то из толпы «группы поддержки» Саида.

Он раздражённо дёргает головой, словно бы его бесит, что кто-то влез в его «разговор без слов». А потом так же резко и внезапно, без предупреждения, переводит взгляд на крыльцо, где стою я. Немного в стороне. Или толпа расступилась и как-то меня выделила. Как минимум, пацанов вокруг меня вообще нет, они скучковались стайкой сбоку. Среди зевак кто-то явно бросил слушок, что драка из-за меня... Серой мышью с первого курса, о существовании которой до сегодняшнего дня, наверное, никто и не подозревал.

Наши взгляды с Саидом пересекаются. Сразу, молниеносно. Наши глаза так быстро находят друг друга, словно бы это два магнита.

Я вижу кровь в уголке его губ, дёргаюсь, всхлипываю. Лицо немеет.

Точно знаю — это предвестник того, что сейчас поведёт...

Как в тумане... Только на глазах звереющий взгляд этот. Он даже на свою жертву поражённую так не смотрел, как на меня сейчас.

Невольно покачиваюсь и отступаю.

И как в замедленной съёмке вижу, как он подходит, преодолев в три шага расстояние между нами, а на крыльцо в четыре ступени вообще залетев с асфальта.

Наши лица оказываются всего в полуметре друг от друга. И тут я понимаю, что всё закручивается в чёрную воронку перед глазами. Выдыхаю рвано и начинаю оседать.

Прежде чем отключиться, чувствую, как тело подхватывают крепкие руки, а у себя над ухом слышу разъярённый рык:

— Какого хрена выперлась?! Я же приказал сидеть в своей конуре!

Глава 5

— Тигр, смотри, там на лавке не та тёлка, за которую ты дрался на днях? — слышу, как к Гаджиеву обращается один из его дружков-лакеев. Даже голову боюсь повернуть в их сторону. Этой компашки все стараются избегать.

Слишком концентрированная энергетика понтов, дерзости и наглости.

— Не знаю, я её не запомнил, — бросает он небрежно, а у меня уши горят.

Как же я не хочу это слышать, но резко вскакивать сейчас с лавки и убегать — тоже не вариант. Приходится уткнуться носом в книгу ещё ниже. А ещё повторять про себя мантры на санскрите. Я спокойна и расслаблена. Я выше всего этого...

— Кажется, я её знаю, — слышу женский капризный голосок с той же стороны. — Эта девка заходила пару недель назад к Гарику в студию красоты. Волосы свои хотела продать. Кстати, хорошие волосы. Я бы купила...

— В смысле? — ржёт кто-то из тусы. — Как можно продать волосы? На хрена? Кашпо из них плести?

— Ооо, брател! Да ты не искушён в женских ухищрениях. Думаешь, твои чикули все такие от природы пышногубые нимфы с косами до пят? Да они все с утра встают — и окунают лицо в блюдце с тоналкой, а потом рисуют себе всё, как на белом листке бумаги. И патлы у всех наращённые. За меня недавно две тёлки в клубе подрались — вот ржака была, когда они начали вырывать эти клоки...

— Ну, значит не у всех наращённые, если кто-то продаёт свои... — я вздрагиваю. Потому что это снова голос Тигра, который всё это время просто вальяжно молчит и слушает гадкий треп своих пустых друганов.

— Просто, Сэмчик, — сладко льёт ещё один женский голосок, — такие бурёнки, как эта, растут с детства на молочке коровьем в своей деревне. Там ни химии, ни экспериментов, ни впечатлений — всё уходит в волосы... А такие, как мы... У нас стресс, нервы, негативная энергетика больших городов, перелёты...

Мне сейчас хочется от злости и обиды поперхнуться. Это у неё стресс и нервы... А у меня откуда? Ничего, что если в течение месяца не внесу плату за учёбу, то отчислят, а ещё одна старенькая бабушка на мизерной пенсии... Это так, ерунда... А у неё впечатления и стресс. Ноготь сломался, царапина на брендовой сумке, просмотры рилс упали на пять процентов...

Я уже сто тысяч раз прокляла то, что повелась на аферу директора моей школы в Кулавне. Именно в результате её манипуляций я и оказалась в этом притоне богатеньких джетсеттеров, которые гордо прикрываются званием студентов самого престижного вуза страны. Лидия Петровна всегда была очень изобретательной дамой, а ещё очень мечтательной. Иногда её креатив приносил плоды — наша школа часто участвовала во всяких необычных экспериментальных проектах, выходила далеко за пределы классических образовательных программ. Но вот в

моём случае что-то пошло не так. Когда на руках были результаты ЕГЭ, я поняла, что в целом по баллам прохожу в пару неплохих вузов столицы, но вот с МГИМО не срастается, конечно. Не добираю на бесплатное. Лидия Петровна, зная мою мечту изучать иностранные языки и культуру, подсуетилась и подключила нас оперативно к инициативе одного из крупных промышленников Подмоскovie — тот только учредил стипендию для толковых выпускников и взялся дофинансировать их обучение в лучших вузах страны.

В итоге таких было шестеро по всей области. Я попала в их число. Вот только два месяца назад того самого бизнесмена посадили под домашний арест с описанием всего имущества за финансовые махинации. За первые полгода заплатить его пресловутый фонд успел. А вот со взносом за второе полугодие, пока его статус не будет урегулирован (адвокаты в СМИ во всеуслышание горланили, что их подзащитный невиновен и вопрос будет скоро решён), была засада. Чтобы не вылететь из учебного заведения, мне срочно нужно было найти эти пресловутые четыре тысячи долларов... Одна бедная бабушка, конечно, таких денег никогда даже в руках не держала...

Так что да, конечно... Нервы и стресс только у этой губастой инфлюенсерши на Мерседесе, а у меня так... Экология сплошная наичистейшая...

Слава Богу, компашка решила сместить свои царственные задницы в какое-то другое направление и потихоньку рассосалась. А я нервно посмотрела на часы. Сегодня только три пары. Очень хорошо. Как раз успею приехать на новое место работы заранее. Подумаю, как туда быстрее добираться, чтобы не сильно срезать занятия и прогуливать.

Вчера мне всё же удалось найти подработку — одна из знакомых девочек из родной Купавны уволилась из ресторана, где работала официанткой. Написала в наш поселковый чат, что освободилось место — я тут же отозвалась. Как-никак, а это лучше, чем идти искать себе место с бухты-барахты. Пока большего, чем работа курьером, официанткой или уборщицей с моим первым незаконченным курсом языкового института мне не светило, да и на учёбу забивать в мои планы не входило.

Сменная работа официанткой, да ещё и в надёжном месте, о котором, что называется, я узнала из первых уст от знакомой девочки, была хорошим вариантом.

Ресторан достойный. Владелец — один из влиятельных адвокатов Москвы, у которого параллельно ещё и свой ресторанный бизнес, записанный на молодого сына. К персоналу относятся прилично, чаевые оставляют, премии за сверхурочные выдают, не пристают, публика платёжеспособная и не хамоватая, как в харчевне напротив общаги.

Вспомнила про неё — и по телу дрожь... А вдруг бы такое место попало... И что тогда? С виду же тоже приличный ресторан. Благо, что на поверку бандитский притон...

— Лизка, ты на пару собираешься? — услышала бодрый голос согруппницы Ленки.

Выпала из ступора. Конечно! Уже бегу! Я ведь на автомат по философии рассчитываю, честно говоря! А Шульц следит за посещаемостью лекций и ненавидит прогульщиков!

Несусь резво за подругой в аудиторию. И что это я раззевалась, как лохушка? Все хорошие места будут заняты! У нас на курсе все хитропопенькие! Стараются, где могут, выслу-

житься перед преподами! Только мажоры нос воротят, да и они бы не отказались от автомата. Это ведь можно такие дивиденды от богатых родаков получить в виде подарков за блестящую успеваемость...

Едва не падаю, когда дорогу преграждает мощная смуглая рука, оголённая после короткого рукава чёрной футболки.

Накачанная такая рука, жилистая и волосатая.

Преграждает в буквальном смысле, создавая трамплин между мной и стеной, от чего я из-за того, что не подготовлена, врезаюсь в неё грудью. Даже больно. Полушария буквально вплющиваются в каменный торс. Он что, из камня?

— Стой, мелочь, — слышу сверху низкий баритон и дёргаюсь, как ужаленная.

С опаской поднимаю глаза. Нервно сглатываю. Саид? Что ему нужно?

Боковым зрением замечаю, как с благоговейным трепетом на нас со стороны взирает Ленка, словно бы ко мне сейчас снизошёл Архангел и глаголет истину...

— Разговор есть. Сюда заруливай, — не дожидаясь моей реакции, подталкивает меня в ближайшую аудиторию, которая оказывается свободной.

Захлопывает дверь перед носом Ленки, так и стоящей в восторженном флёре снизошедшего до нас помазанника Божьего.

Я с тоской хватаю глазами циферблат часов над входом. На лекцию мне уже не успеть... Опоздание у Шульца ещё хуже, чем прогул...

— Что случилось? — спрашиваю я, не в силах поднять на него глаза.

Стыдобища...

Последний раз я видела его так близко на крыльце общаги во время той эпичной драки.

Помню, как он посмотрел на меня, как начал приближаться — а дальше темнота.

Потом Верка сказала, что я грохнулась в обморок, а он поднял меня и отнёс в комнату.

Капец просто...

Саид Гаджиев держал меня на руках! Касался моего тела! А я ничего не помню! Ничегошеньки!

Думаю об этом — и щёки краской заливаются...

— Волосы распусти, — вдруг убивает он меня своим совершенно неожиданным приказом.

Я замираю. Просто не могу сейчас пошевелиться... Как кролик супротив удава...

— Ты глухая, мелочь? Не тупи! Волосы распусти, я сказал...

Я нервно сглатываю и дрожащими руками вытаскиваю три шпильки, на которых держится моя гулька.

Мои белые тяжёлые пряди тут же падают каскадом ниже пояса.

Волосы у меня и правда красивые и густые. Даром, что на «коровьем молоке».

Он смотрит. Я чувствую это, хотя так и стою, потупив глаза в пол. Даже слова произнести не могу. Какое-то идиотское оцепенение...

Вздрагиваю, когда он касается своими горячими пальцами моего подбородка и заставляет поднять глаза на себя.

Это форменный ужас. Я жмурюсь даже. Просто не могу смотреть в ответ. Просто не могу на равных. Это что за энергетика такая сшибающая...

— Ты правда собралась свои волосы продавать? — спрашивает вдруг.

Я снова нервно сглатываю и киваю.

Он тихо матерится и машет головой.

— И за сколько?

— Триста долларов, — говорю и облизываю губы.

Он следит за этим моим движением, словно бы на замедленной съёмке.

Его глаза чернеют. Так сильно, что кажется, словно бы зрачок вмиг завоёвывает всё глазное яблоко.

Настоящий Хищник...

Так и не выпустив меня ни из оков своих пальцев и взгляда, он вальяжно тянется к карману и вытаскивает оттуда бумажник. Открывает и быстро отсчитывает бело-зелёные скрипящие купюры.

Параллельно небрежно стекает глазами от моих губ к груди. На мне как всегда широкий свитер, вот только он после стирки растянулся — и горловина тоже, сделав вырез чуть более открытым, чем предполагалось. Теперь, если я его вовремя не поправлю, шерсть слегка открывает ложбинку между грудями.

Некомфортно, конечно, но мне сейчас не шиковать в таких вопросах. У меня всего два свитера...

Саид смотрит туда. Черт возьми, прямо в ложбинку. Почему-то я совершенно уверена, что сейчас он думает о том, что мои груди впечатались в его руку пару минут назад... Снова подкатывает дикая волна стыда и чего-то ещё, заливающая лицо краской.

Чувствую это по тому, как горит лицо.

— Ты целка, мелкая? — вдруг спрашивает он, совершенно меня нокаутируя.

Я набираю воздуха в лёгкие. Даже вдохнуть не могу нормально — получается урывками, рвано, хаотично, даже панически.

Молчу, выкручиваясь из его захвата на подбородке. Пытаюсь отступить на шаг, но он тут же перехватывает за талию.

Вздрагиваю, когда хрустящие купюры одним его небрежным движением оказываются в той самой ложбинке, зацепленными за край бюстгалтера.

— Даже если нужны деньги, мелкая, никогда не продавай себя... Волосы — это твоё достоинство. Нельзя его лишаться. Иначе так недолго продать и всё остальное... Любое твоё дело, любая работа должны быть достойными. Вот главный принцип жизни, чтобы к тебе относились как к человеку, а не вещи. Не тупи больше. Глупостей не делай.

Почему-то сейчас от этого его доминантно-поучительного тона меня начинает бить мелкая дрожь с примесью истерики.

— Ненавижу вот таких поучающих... — выдыхаю рвано. — С чего ты вообще решил, что можешь меня поучать?! Ты что, моралист или арбитр? Может, я уже давно проданная!

— Могу... Не продажная ты. На хрена тогда приходила ко мне за помощью? Могла бы не приходиться. Бандюган бы пощупал твои упругие сиськи третьего размера, волосы бы ниже жопы на кулак намотал — и было бы тебе финансовое счастье...

Чувствую себя оплётанной. Точно так же, как когда тот самый бандюган приказывал мне смиренно ждать его у входа...

Резко выхватываю его подачки из белья и швыряю на пол.

— Сама как-нибудь разберусь! — и вот тут понимаю, что от ярости, наконец, и силы даже находятся на него посмотреть в открытую и не смущаясь.

Черта ему надо?! Он же типа даже меня не запомнил?! Пусть идёт и дальше тискает силиконовые задницы своих «стрессовых и изнурённых экологией» подруг!

— Не отсвечивай! — произносит одну из коронных типичных фраз вот таких вот волосатых самцов и разворачивается, бесцеремонно наступая на валяющиеся на полу купюры.

Дверь за ним хлопает, а я смотрю на бумажки, валяющиеся на полу веером, и понимаю, что там не триста долларов, а тысяча... Поджимаю губу в уколе отчаяния и обжигающего стыда... Эти деньги — почти треть необходимой суммы, чтобы остаться на своём месте... Хотя

бы доучиться до конца первого курса — а там можно будет думать, куда перевестись. Сейчас-то меня точно под конец третьего триместра никуда не возьмут...

Только Бог знает, чего мне стоит собрать эти деньги с пола... Собрать и отнести в деканат в конверте.

Заношу начальнику курса и прошу передать Саиду Гаджиеву...

Глава 6

Волнение нервно пульсирует в горле. Если бы можно было сейчас испариться, я бы сделала это даже через боль. Нет, с этим тотальным унижением надо заканчивать. Ничего не могу сказать — Арсентьев-старший не был деспотом-работодателем — с чаевыми, сверхурочными и даже премией в конце месяца вышла нормальная сумма денег, которая даже показалась мне светом в конце туннеля в моей неразрешимой, казалось бы, ситуации с оплатой учёбы, но... если на чашу весов поставить липкую похоть его сына, перевешивало в негативную сторону с лихвой. Не могла я это терпеть — даже три раза в неделю, когда инфант-наследник соизволял посетить ресторан для имитации бурной деятельности, не могла...

— А ведь симпатичный парень — породистый, высокий, скулы острые, взгляд нордический — прям вампир из Саги, а почему такой отталкивающий... — даже циничная Марго соглашалась, что Игорь неприятен. В этом всё своём мужском превосходстве, замешанном даже не на праве сильного, а на банальном и примитивном понимании, что «он может», антипатичный тип...

— Не знаю, Маргарит, — выдохнула я, с тоской повязывая выбеленный до блеска передник на униформе. — Даже рассуждать не хочу на тему того, почему он такой, а не сякой... Мне бы просто пережить этот день...

А переживать ведь было что...

У Игорька сегодня день рождения...

Тусу решено было провести в ресторане, полностью закрыв его под его друзей. Надо ли объяснять, о чём я думала с того самого момента, как узнала это пренеприятное известие...

Среди гостей обязательно будут ребята из института, которые могут меня узнать... Да что уж говорить, там может быть Тигр...

С того неприятного вечера, когда пришлось обслуживать столик Игоря с Ильёй, прошло чуть больше недели. Если первые дни я испытывала странные фантомные приступы — всё казалось, что дверь ресторана сейчас откроется и выйдет Тигр с осуждающим взглядом или в институте — всё боялась уткнуться ненароком в его грудь за очередным поворотом, то потом эти опасения сошли на нет... Его не было видно. Вообще. Уехал? Ответ, конечно же, подоспел от Верки — нашей заправской болельщицы ММА. Оказывается, были очередные соревнования, какой-то там промежуточный этап — и он участвовал...

Значит, уехал... Очень надеюсь, что ещё не вернулся или всё же не общается с Игорем... Потому что просто не представляю, как буду подавать ему еду с дрожащими от волнения руками...

И какого черта волнуюсь-то? Кто он мне? Что я ему должна?! Почему вообще его мнение как-то важно? Мы с ним на разных плоскостях, на разных полюсах этой Вселенной! Он небожитель, а я... я перебиваюсь... Как могу выживаю. И чувствую себя при этом не сильной, гордой и независимой женщиной, а жалкой... Вот такая печальная правда...

Ненавижу это состояние! И всё сделаю, чтобы никогда больше не нуждаться и ни от кого не зависеть, если вылезу хоть как-то к солнцу и доучусь... Профессия востоковеда прибыльная — это и знание редкого языка, и возможность работы за границей... Короче... нужно не сдаваться, Лизка... Не в Купавну же к бабушке возвращаться... Мне и о ней подумать надо... Она моложе не становится...

Именно с таким настроем и вывела себя в более-менее боевое настроение. Всё, пора... Надо идти в зал...

Пространство банкетного холла уже было изменено под запросы именинника. Сдержанный классический интерьер растворился в приглушённой игре света, а потом его и вовсе придушили — диджей занял место у импровизированного пульта, заполнив пространство чил-аут музыкой, стулья накрыли какими-то накидками, столы украсили в сдержанно-брутальном минимализме. Всё-таки дизайнеры умеют создать нужную атмосферу. Кто бы сказал, что ещё днём здесь обедали солидные мужчины со своими чопорными дамами под классическую музыку и в окружении американской классики...

— Просто перетерпеть... — пульсировало в голове. — Просто перетерпеть...

Гости собирались, музыка становилась всё громче, настроение — всё фривольнее.

Концентрация богатых парней и красивых девушек начинала зашкаливать.

До последнего удавалось держаться в тени — Марго сочувственно пошла на встречу и рокинулась со мной — я стояла у кухни, на выдаче. Зал обслуживала она и ещё двое девушек.

— Черт, Лиз, — услышала сбоку голос хостесс Ольги, — Кирка порезала палец о нож для стейка, замени её быстро. Нужно второе горячее раздавать. Столики семь, пять и десять.

Времени отпираться и отмахиваться не было. Да и что я сделаю? Человек порезался. Бесчеловечно не подменить.

Взяла быстро поднос со стойки, направилась по заданному маршруту.

Чуть не споткнулась, потому что, конечно же, как назло, это был столик многоуважаемого именинника...

Басы били по перепонкам, компания оживлённо переговаривалась, пытаюсь перекричать звук. Странные люди. Сами же заказывают музыку. В чём смысл сначала сделать так, чтобы перепонки вышибало в ушах от децибел, а потом из-за этого начинать рвать голосовые связки...

Ставлю блюда, не смотрю на гостей, стараюсь быть как можно более незаметной...

— Лизооооккк, — слышу даже через какофонию звуков. — А я заскучал... — поднимаю глаза, сглатывая нервный ком напряжения. В ту же минуту чувствую, как руки ложатся на мою талию и резко дёргают на себя.

Оказываюсь на стыке бедра и кресла Игоря. Мне неудобно, стыдно, душно...

Его пьяное дыхание мне в ухо, а потом по шее, вдоль линии роста волосков. Выкручиваюсь, как могу, но он сжимает слишком сильно, до спирания рёбер. Совершает несколько пошлых толчков бёдрами мне в ягодицы, словно бы имитируя что-то гадкое и постыдное.

— Ох, как неплохо будешь смотреться на моём члене, мышка... Ты такая маленькая, миниатюрненькая, сделаем вертолёт? — ржёт он, тут же провоцируя на пошло-похабную реакцию и своих дружков.

Я яростно вырываюсь, выкручиваюсь, как юла, пытаюсь хоть как-то спасти свою честь и достоинство. Если вообще это хоть как возможно...

Наши глаза на мгновение пересекаются во вспышках прожекторов софитов.

Злой взгляд. Злой и голодный.

Он давит и уничтожает.

— Посиди с именинником... мне сегодня можно всё... — хрипло выдыхает и целует за ухом.

Я снова дёргаюсь.

— Пустите... — тонет в темноте, басах и равнодушном пренебрежении окружающих.

Всем сейчас не до незаметной официантки.

Пытаюсь встретить в глазах сидящих за тем же столиком хоть один сочувственный взгляд — пустота.

Девицы смотрят оценивающе, насмешливо и... черт возьми, завистливо?

Парни — с откровенным сальным интересом и иронией.

Им интересно, какое дальше последует унижение, как смел окажется Игорь, как далеко он зайдёт...

В этот момент поднимаю глаза и утыкаюсь в того самого Илью, подходящего к нашему столику и умудряющегося всё это время разговаривать по телефону в этом царстве хаоса и шума.

Почти плачу, посылаю ему мысленный сигнал с мольбой о помощи.

Челюсть парня поджимается.

— Илюх, помнишь мою нимфу? Смотри, какой подарочек! — ржёт Игорь и в этот момент сжимает мою грудь.

Я начинаю яростно его отпихивать, но он не сдаётся, впадая ещё больше в агрессию.

Хватает рукой за шею, похабно прижимает вторую руку к моему рту, чем я пользуюсь и со всей силы его кусаю.

— С**ка! — орёт он и тут же привлекает к нам внимание и других. Даже в этом хаосе похоти наша борьба выделяется на общем фоне.

— Игорян, пусти её, — словно бы даже музыка звучит тише. Потому что каким-то образом я сейчас слышу голос Ильи, хоть он всё ещё стоит отдельно, в стороне, словно бы возвышаясь над нами... — Не стоит тебе с ней играть, поверь...

— Это почему же? — злобно цедит Игорь. — Самому понравилась...

— Эта девчонка не твоя... — давит Илья спокойно.

Сейчас я точно понимаю, что музыка вокруг разительно тише.

Очевидно, все поняли, что вокруг именинника какая-то нездоровая ситуация и максимально наострили уши. Сочувствуют? Просто снимают сливки для последующих сплетен?

Уж явно никто не рвётся помогать мне, выступая в роли благородного джентльмена...

Потому что урод продолжает яростно меня сжимать за талию, не давая возможности встать с его колен. И к своему ужасу я понимаю, как к моим ягодицам прижимается что-то твёрдое и каменное. Благодаря наветам Верки прекрасно понимаю, что это может значить...

— Ничья она, — говорит он с презрением и превосходством. — Была бы чьей-то, не облизывала бы тарелки посетителей и не бегала в фартуке, жопой крутя... Делала бы это дома у своего мужика, а не тут... в общественном пользовании...

То, как грубо и цинично он двумя фразами характеризует мою работу, напрочь отбивает желание даже деньги получить из кассы при расчёте, когда буду увольняться! А увольняться я буду обязательно! Прямо сегодня! Больше никогда не вернусь сюда и не надену этот проклятый костюм!

— Игорян, лады, отпусти телку! Что ты в ней нашёл? Серая мышь... Вон, посмотри, какие сочные красотки с нами, — вдруг просыпается отдалённое сочувствие у одного из сидящих псевдомужчин...

— А я не хочу силиконовую блядину. Я эту хочу!

— Перехочешь... — слышу вдруг низкий баритон и, совершенно не веря себе, поднимаю глаза снова.

Рядом с Ильёй сейчас стоит Саид.

Чёрная кожаная куртка, такая же футболка снизу, отросшая щетина, разлохмаченные волосы, руки в карманах.

Вальяжный, самоуверенный и злой.

Его взгляд медленно стекает с Игоря на меня.

Я дёргаюсь.

В нём столько презрения. Даже разочарования, черт возьми.

И оно бьёт по нутру — болезненно, до дрожи чувствительно...

— Выпусти её, — говорит он спокойно, снова переведя глаза на Игоря. — Я поздравить тебя пришёл вообще-то...

— Давай, Игорян, окажи честь нашему чемпиону! — вторит Илья.

В этот момент меня реально отпускают.

Так резко, что я даже спотыкаюсь и чуть не падаю. Если бы одна из девиц, сидящих рядом и до этого момента не проявлявших ни грамма участия, не подхватила за руку.

— Быстро вали отсюда, — говорит она тихо, убедительно смотря мне в глаза.

Дважды мне говорить не надо.

Даже не подумав о всё ещё лежащем на столе подносе, я быстро подбираюсь и несусь, как могу, расталкивая собирающихся на танцполе людей, к кухне.

Этим не знающим ни бед, ни проблем самцам сейчас до меня совершенно нет дела.

Саид и правда всем видом показывает, что он просто отмахнулся от меня на руках Игоря, как от назойливой мухи, которая помешала ему оказать мнимое уважение имениннику.

Посреди грудной клетки печёт — словно бы это настоящая сердечная боль.

Её природа хорошо мне понятна — я унижена. Унижена ситуацией, своим статусом, своей ничтожностью...

Слёзы стреляют из глаз, я бегу в подсобку и быстро пытаюсь собрать свои вещи и смотаться отсюда без объяснений.

Нервно дёргаю передник, но идиотский бант сзади на талии, который завязала Марго, не слушается. Узел слишком крепкий.

Чертыхаюсь, пытаюсь зацепить его ногтями, но с первого раза не получается.

В этот момент без стука открывается дверь...

Глава 7

— Выйди! — пытаюсь звучать твёрдо, но не получается.

Голос предательски дрожит.

Так, что даже коленки подкашиваются.

Мы с Саидом один на один в комнате. Только что он громко хлопнул дверью у себя за спиной, резко уменьшив пространство в помещении до размера спичечной коробки.

— Что ты здесь забыл, Саид?! Выйди, пожалуйста! — нервы сдают. Я нервно, до истеричных рывков дёргаю молнию сзади, но она заела намертво. Как назло.

Да и что я её дёргаю сейчас?! Я ведь не буду перед ним раздеваться.

Просто моё поведение — это проекция шока на всё происходящее!

— Что у тебя с Игорем? — спрашивает он, больно впиваясь в меня глазами.

Именно больно. Я ощущаю этот взгляд. Чувствую его физически.

Внутри нарастает напряжение и обида.

— Ничего у меня с Игорем. Он сын моего работодателя. Наглый отморозок, позволяющий себе вести себя отвратительно...

— Значит, дала повод...

Закатываю глаза от этой жуткой логики. Отвратительной шовинистической логики.

Наконец, оставляю молнию, больше её не дёргая.

Разворачиваюсь на него.

— Конечно, Саид. Женщины всегда дают повод... Для таких, как вы — всегда... Повод в том, что мы просто женщины? Те, кто не может за себя постоять? Мозолим глаза? Как ты там сказал — отвечаем? Прости, не могу сидеть в шкафу — мне нужно как-то жить... Как-то зарабатывать... У меня нет богатого папки, который всё это делает за меня...

Он надвигается на меня, тут же сокращая расстояние до nepозволительной близости...

— С твоей внешностью ты и правда провоцируешь, Лиза, — он пытается звучать здраво, но хриплый, яростный тон выхолащивает эти попытки. — Потому не удивляйся...

— И что же во внешности мыши такого «провоцирующего»? — едко отвечаю ему. — Что вам всем от меня надо?! Иду в общагу — лезут какие-то гадкие бандиты с похотливыми

предложениями... Пытаюсь работать честно — получаю то же самое от не менее похотливых мажоров...

Он даже не слушает меня.

Тяжёлый тёмный взгляд сверху вниз стекает по моему лицу на губы.

И вдруг он берёт и трогает их своим пальцем. Вот так нагло, сводя на нет моё личное пространство. Просто берёт и давит на мои губы, приоткрывая их, касаясь ряда зубов.

— На хрена губы красишь, когда выходишь в зал — работать с мужиками?

— Это гигиеническая помада! У меня губы заветренные!

И это правда! Какая на фиг помада?! Это вазелин из аптеки за пятьдесят рублей! И вообще! Что он себе позволяет?

Всхлипываю, когда тяжёлая рука обхватывает мой затылок и притягивает к себе.

Он вжимает нос в мои волосы и нюхает.

Страшно...

— И часто он так тебя зажимает? Трогает... Тискает... — хрипит ещё на несколько октав ниже.

— Нет... — как идиотка, продолжаю оправдываться. — Пусти... пожалуйста... Это всё неправильно...

Хмыкает и заглядывает мне в глаза.

— А что правильно? Бегать в платье из порно перед самцами, которые хотят тебя трахнуть? Строить из себя невинную грешницу, которую хочется вые**ть каждому, кто её видит? Я говорил тебе — выбери более достойный способ заработка...

— Я с удовольствием бы последовала бы твоему совету, если бы меня кто взял на эту, как ты говоришь «достойную работу»! И я не вижу ничего недостойного в том, что я делаю! Я работаю честно! На износ! Устаю, как ломовая лошадь! Думаешь, это просто — сбегать с последних пар, стараясь сохранить нормальный учебный рейтинг, а потом в ночи тащиться по враждебному городу до общаги?!

— Сама себе противоречишь! Разве это достойно нормальной девушки?! Сама нарываешься на неприятности!

— Саид, — насилу выкручиваюсь из его рук. — Давай адекватно и объективно. Мне нужны деньги. Сильно. Я должна закрыть учёбу в этом году. У моей семьи этих денег нет. Стелиться под мужика я не пойду. И деньги, которые мне подачкой засовывают в лифчик, тоже не возьму. Здесь я зарабатываю. То, что этот отморозок ведёт себя, как гад, возмутительно. Очевидно, дальше я это терпеть не буду. Но и варианта засесть в общаге, не работая, я тоже

не могу. Пойду в другое место. Всё равно. И буду идти снова и снова. Потому что мне нужно как-то держаться на плаву. Это первый и последний раз, когда я с тобой откровенничаю. Без жеманства и прикрас. Понимаю, что отчасти сама виновата, что так получилось — я попросила тебя о помощи и сама привлекла твоё внимание. Но хватит. Ты помог — на этом всё. Не нужно дальше лезть в мою жизнь.

— Сколько? — спрашивает он, опять совершенно меня не слушая.

— Что сколько?!

— Сколько нужно, чтобы закрыть учёбу?

— Я не возьму от тебя денег, — предвосхищая ход его мыслей, отталкиваю от него. — Даже не пытайся сейчас вывести на такое. Не пойдёт! Я зависеть от мужчин не буду!

Он раздражённо закрывает глаза и отступает. Словно бы с яростью борется.

— Ты что там себе придумала? — его тон злой и даже слегка высокомерный. — Сумму мне назови сейчас! Быстро, Лиза! Не выводи ещё больше. Поверь. Тебе не понравится!

— Шесть тысяч долларов, — скрепя сердце, отвечаю, отвернувшись.

— Сколько тут выходит в месяц?

— С учётом всех надбавок должно под девятьсот долларов.

— Ты здесь больше не работаешь. Это не предупреждение, а факт. Твой работодатель поставлен в курс дела, — говорит он убийственно холодно. Я только открываю рот, чтобы начать возмущаться, чтобы он не лез не в своё дело и что я вообще-то сама и так собиралась уйти, но это не его забота, как он накидывает приказов-констатаций сверху. — У меня есть менеджер Андрей. В его ведении мои бои, рекламные контракты и расписание. Ему нужен помощник. Тот, кто бы вёл записи, подстраховывал по бумагам. Отвечал на звонки. Короче, мобильный секретарь. Я тебя нанимаю. Работа двадцать четыре на семь, но с пониманием факта твоей учёбы. Будешь также заниматься моими личными делами — мне иногда сложно совмещать замуты с отцом, учёбу и бизнес без проёбов. Вот, будешь вести учёт всего. Даю тебе за это полторы тысячи долларов в месяц. Стабильный фиксированный оклад. Заплачу авансом, чтобы ты закрыла вопрос с учёбой и больше не искала себе левых замут. Завтра встретишься в офисе с Андреем. Он введёт в курс дела. Одеваешься прилично, усекла? Мне блядство не нужно в окружении.

— Какое блядство?! Ты сам знаешь, что...

— Ненавижу, когда меня перебивают, — опять резко осекает меня. — Всегда сначала дослушиваешь, потом отвечаешь, если я жду твоего ответа. Твоя задача — быть полезной и незаметной. Не отсвечивай — я тебе уже говорил... Будешь услужливой, тихой, послушной и исполнительной мышкой...

— Я должна точно знать, что... — горло начинает предательски першить... То ли от волнения, то ли... от обиды... Сейчас в его словах ни грамма интереса ко мне как к девушке... Но

разве не это мне и было нужно?! Дура-дура Лиза... — Саид... Я точно... не буду тебе должна чего-то... — краснею от того, что не могу подобрать слова. — Сверх денег, которые ты мне платишь?

В это время он уже успел подойти к двери. Останавливается и оборачивается.

— Ты про секс? — усмехается, оглядывая меня теперь сверху вниз совсем не так, как когда пришёл... Или мне показалось? Тогда видела в его глазах одержимость и ярость... Может быть, даже ревность... А сейчас... он смеётся надо мной?! — Нет, Лиза. У меня есть, с кем заниматься сексом. Такие, как ты, во всех смыслах не в моём вкусе. И вообще — давай сразу уясним — секс и работа не должны смешиваться. Так что связей среди моей команды тоже не ищи — выкину, как шавку, вон... Свою зарплату придётся отрабатывать честно и ответственно. Поблажек тоже больше не будет. Завтра сразу после последней пары тебя заберёт Андрей и проедете в офис. На этом предлагаю закончить сегодняшний драматический спектакль...

Он снова хлопает дверью, разгоняя резкий поток воздуха. На душе сумбурно. Мне бы радоваться, что всё так сложилось. А я... Я не знаю даже, что думать...

Глава 8

Мир, куда, словно бы собачонку за шкирку, меня окунул Саид, переворачивает всё вверх дном.

Вторую неделю я недосыпаю, но не потому, что физически должна вкалывать денно и нощно, как в ситуации с совмещением ресторана и учёбы.

Это драйв. Это погружение в его мир. Это... Господи, никогда не думала, что банальный график мужчины может так меня увлечь. Не банальный, конечно.

Что уж греха таить...

У Гаджиева огромная команда. И это не только группа ребят чуть постарше и помладше, которая тренируется с ним вместе — оказывается, это такая культура — форма социализации бойцов при тренере, а тренер у него — мировая знаменитость — Алмаз Атабеков — легендарный чемпион, уже много лет живущий между Россией, США и Эмиратами.

Здесь его менеджер Андрей — очень продуманный, во всех смыслах планирующий стратегически парень. Два врача, рекламный агент, водитель и... Элина...

Та самая красавица-брюнетка, которая была с ним в нашу первую встречу, с ногами до неба, которая не просто встречается с Саидом, но и снимается вместе с ним в рекламных кампаниях, контракты по которым у него на миллионы.

Пальцы холодит, когда я понимаю, сколько всего мне доверено. А ещё я искренне испытываю уважение к этому молодому мужчине — так филигранно совмещать столь изматывающую работу с достойной учёбой, при этом уделяя внимание своим родным — многого стоит. У него расписана каждая минута.

Прокрастинация и Саид Гаджиев — это как два полюса огромной Земли.

В команду меня ввели быстро. Вопросов лишних не было. Андрей сразу подошёл ко всему максимально серьёзно и деловито, да и я вела себя изначально корректно по максимуму. По умолчанию предполагалось, что с утра я езжу на учёбу, а оттуда сразу перемещаюсь в клуб, до семи вечера. Мне оплачивали такси, да и клуб находился рядом с универом — Саиду так самому было удобнее. На выходных работа была факультативной, но мне как раз нравилось проводить время здесь — за бумагами, а не в общаге. Я ощущала себя безопасно и надёжно...

Гаджиев обозначил свою позицию. Почему-то я была уверена, что никто не позволит себе ничего скабрёзного в мой адрес в его окружении, как это было в ресторане.

Так и было. Да и никаких вольностей я себе не позволяла ни на йоту...

Всегда белая рубашка, застёгнутая до последней пуговицы под горло, строгие брюки — свободного кроя, не в обтяжку и так, чтобы белый верх прикрывал бёдра. Волосы — в строгий пучок. Ноль макияжа и, как учил Андрей, никаких взглядов на бойцов. Никаких — от слова

совсем. Потому что кровь у молодчиков горячая, а мужская кавказская логика (а большую часть из них составляли земляки Саида) работала несколько своеобразно в плане отношения к поведению женщин. «Ты должна быть мышкой, Лиза. Во всех смыслах этого слова». Последние тезисы Андрей транслировал мне особенно чётко и красноречиво. И прямо дал понять — даже несмотря на то, что это Саид попросил его лично взять меня на работу, если я стану проблемой, он сделает всё, чтобы меня отсюда убрать. Ибо бизнес есть бизнес, а «для благотворительности у них своя повестка, выделенная в график».

Дважды намекать мне не нужно было. Пересекая порог клуба, я теряла пол. Только работа. Только стремление стать реально незаменимой и ответственной. Никаких поводов для лишних движений и разговоров.

Раз только за эти две недели в офис приезжал Илья с этим уродом Игорем. Тот, завидев меня за столом в приёмной, сначала проигнорировал, словно бы я пустое место, а после общения с Андреем, в конце встречи, когда они выходили из офиса менеджера, дождался словно бы невзначай, пока все пройдут, обернулся на меня и оскалился.

— Чернильница еб**ная... Всё равно моей будешь... Поиграется с тобой и выкинет... — прошипел, как змея, и заржал.

Я не стала рассказывать о провокации никому из ребят, хоть меня жуть как и обидело то, что он приписывал нашим отношениям с Саидом какую-то грязь. Но переступить через себя и вывалить это на суд общественности или даже просто сказать Саиду не хотела...

Просто не было желания опять ворошить всю эту грязь — от Арсентьевых я больше не зависела и была уверена, что пока я работаю на Гаджиева, ничего этот мажор мне не сделает, побоится.

Да и времени не было, честное слово...

У Гаджиева на носу были важные бои в его весовой категории. В высшем дивизионе. Вся команда усиленно к ним готовилась. До начала так называемой «сушки» — когда бойцу нужно стабилизироваться в своей весовой категории по физическим параметрам — было около месяца, и Андрей настоял, чтобы все съёмки по рекламным контрактам были проведены до этого времени.

— У Саида начнётся строгий режим, Лиза, — поучал он меня, вводя в дело по ходу. — Это означает кардинальную смену образа жизни. Только спорт, график по минутам, правильное питание, сон, воздержание...

На последнем я невольно подавилась.

Менеджер бросил на меня укоризненный взгляд.

— Ты его помощник. И такие вещи знать обязана, если работаешь с бойцом. Даже жена-тые бойцы на время подготовки уходят на целибат и отселяются от семей. Потому что энергию растрчивать нельзя. Как и концентрацию. С учётом того, что в жизни Саида много соблазнов, в твои обязанности будет входить доведение до моего сведения малейших нюансов, которые

могли бы нарушить этот режим. А такое возможно. Он живой человек, горячий парень. И девица у него... — хмыкнул. — Та ещё бестия...

Да уж... Бестия — мягко сказано.

Меня Элина если и замечала, то скорее как часть прислуги. Говорила со мной исключительно в повелительном ключе или вообще никак. Спасало то, что здесь появлялась она нечасто. Саид встречался со своей гурией, как и с другими ребятами из компании, большая часть из которых училась у нас в универе, исключительно вне стен его бойцовского клуба.

Исключением стала лишь последняя неделя, когда это brutальное место заполнили совершенно неформатные «люди от рекламы» во главе с Толмачевым — знаменитым гением рекламной съёмки и владельцем одного из самых известных рекламных агентств страны. Эту информацию, разумеется, я тоже узнала накануне — когда Андрей давал ЦУ по поводу того, как будет организована у нас здесь работа в ближайшее время с корректировками под съёмки для двух известных спортивных брендов, рекламной кампании сети элитных спортклубов и марки спортивного питания. И да, какой-то красивый патриотический ролик тоже собирались снимать — отец Саида был известным политиком. Сын-наследник поддерживал отца во всём. И вообще, очень дорожил своей семьёй и ею гордился.

Сегодняшнее утро было крайне дождливым. Настолько, что затопило все улицы — и потому на запланированную съёмку опоздали все. Саида ждали прямо с самолёта — он летал в республику на какое-то мероприятие отца — и потому рейс ожидаемо задержали. Но и живущие в трёх минутах от клуба почему-то позволили себе припоздниться.

— Кофе сделай мне, — ворвалась в студию разъярённая Элина.

Спорить с ней не стала. Минуту назад с таким же запросом ко мне обратился помощник Толмачева. Тот как раз приехал в срок и сейчас всё больше раздражался тем, что всех нужно ждать...

Взяла поднос, быстро понеслась в студию, где уже настроили свет и в данный момент снимали крупные планы с Элиной, переодевшейся в до предела очаровательный и сексуальный костюм для игры в теннис.

Старалась быть как можно тише и ловчее.

Задача помощника — создавать ощущение пятой и шестой руки — как любил говорить Андрей. Рот и голос — лишь вспомогательный инструмент, но отнюдь не главный...

Без проблем. Разводить треп я не любила. Пока в таком подходе меня всё устраивало. И даже то, что за всё это время с Саидом лично я виделась от силы раза три, общаясь сугубо по телефону и крайне сухо и деловито, меня устраивало. Он если и приезжал, то быстро уходил либо на маты, либо в свой кабинет, куда был доступ только у Элины и Андрея. Раз только, когда сам решил зайти к Андрею, наткнулся на меня в приёмной, чуть заметно улыбнулся и вскользь спросил, всё ли нормально у меня.

Я воодушевлённо кивнула и хотела было в очередной раз поблагодарить, но Андрей тут же увлёк его делами и разговорами, заставив забыть обо мне.

— Ваш кофе, — поставила я чашку на блюде рядом с Толмачевым.

Решение купить нормальный сервиз было моей инициативой. Гостей в клубе было много. Ребята не сильно церемонились о таких вопросах — чашки в кафетерии были разномастными. Конечно, у мужчин до таких деталей руки не доходили, а девушка-горничная, которая обычно обслуживала гостей, а сегодня тоже задержалась из-за дождя, делегировав это нехитрое дело мне, подходила к своей работе крайне пассивно и безынициативно...

— Спасибо, солнышко, — слегка нараспев протянул женоподобный мужчина в ярком спортивном костюме. — О... какая... а ну-ка, посмотри на меня...

Даже не сразу поняла, что это он ко мне обращается...

Неловко подняла глаза. Так же неловко улыбнулась...

— Какая красotka фактурная, Арчи, — обратился он к рекламному агенту Саида. — Это что тут за девушка такая с идеальным бейби-фейс?

Арчи, до этого смотревший на меня примерно так же, как Элина — то есть надменно не замечая, даже как-то нахмурился и вперился взглядом.

— Помощница Гаджиева, — сказал через губу.

— Понимаю его... — хмыкнул Толмачев, окончательно вгоняя меня в краску. — Такая кристально чистая красота... Тебе бы, девочка, сейчас...

— Демьяяян! — капризно провизжала Элина со стороны съёмочных декораций. — Скажи своим ребятам, чтобы софиты поправили! В глаз бьёт! Мигрень будет, а у меня от мигрени капилляры на белках лопаются...

Быстро воспользовалась ситуацией и тут же ретировалась наружу, подальше от совершенно ненужного для меня внимания, которое вдруг разом почувствовалось, стоило Толмачеву разглядеть во мне, обычной и неприметной, нечто впечатляющее. Даже смешно... наверное, просто потроллить решил...

С этими мыслями засела за свой стол в тот момент, когда входная дверь резко отворилась и на пороге, занося внутрь свою божественную харизму, запах дождя и умопомрачительного парфюма, появился Саид.

— Что, малая, начали уже без меня? — крикнул он мне прямо из-за стеклянной перегородки.

— Вас ждут... тебя... — как-то самопроизвольно, искренне и как-то по-детски улыбнулась ему, чуть даже привстав. Прочитала, что такое поведение на Кавказе считается уважительным в отношении мужчин со стороны девушек.

Он на бегу пробежался по мне глазами, подмигнул и улыбнулся даже — и тут же скрылся за дверями студии.

А я так и осталась сидеть — мысли разбегались в разные стороны...

Удивительно, как круто изменилась моя жизнь всего за пару недель!

Глава 9

Какая пустая фраза: «в этот момент я понял, что всё пошло не так»... Не работает это. Только для лохов работает и их оправданий. Пиздец начинается не с одного поворота, не с щелчка или единичной неожиданности. На самом деле, это совокупность факторов, многие из которых солидно так растягиваются во времени. Просто тебе потом слишком обидно признать, что ты не увидел и всё профукал. Или просто не хотел ничего менять и шёл на всех парах в направлении этого самого пиздеца, хоть и понимал прекрасно, к чему всё идёт. Хотелось тебе туда идти. Просто хотелось...

То, что наличие Лизы в клубе — это идиотская провокационная история, я понимал прекрасно и без Андрея. Но с моим графиком и занятостью защитить эту красную шапочку, вознамерившуюся пройтись по дикому лесу, я мог только у себя в логове. Не учёл только, что волком в нём был не только я... И инстинкты молодых крепких пацанов на воздержании не перекроет даже страх получить от меня и впасть в немилость самого Чёрного Тигра...

Лиза держалась достойно — надо отдать ей должное. Наверное, сложнее было придумать ситуацию, при которой девушка с её данными была бы более скромна, незаметна и сдержанна. А она умудрялась выруливать.

Да ещё и как умудрялась. За менее чем месяц это нелепое место с небрежным убранством превратилось в организованное пространство с умом и практичностью. Эта феечка с леечкой незримо облагораживала и цивилизовала каждый угол в моей берлоге, куда падал её робкий взгляд.

Красивые чашки, стильные бамбуки в приёмной, классно организованное хранение в зоне раздевалок и спортснарядов.

Я знал, что она подкармливала меня пп-вкусняшками. Её, мать его, собственного приготовления. Просто не говорила, что сама готовила, а переключивала в заводскую упаковку. Я спалил её схему ещё на первой неделе — когда решил заказать себе точно такие вечером из дома и выяснилось, что в том самом магазине отродясь таких десертов не было.

Андрей матерился, когда я заставил его пробить транзакции взаимодействия с этим самым магазином. Понятия не имел, что я творю и на черта это мне. На корпоративной карте платежей не было, зато... я выяснил, что она покупала дорожные, распиаренные, накрученные десерты этой компашки на свои кровные, выкидывала их и готовила мне свои, заворачивая в упаковку купленных.

Тогда я узнал, что такое кончить от еды. Вот такой у меня был первый сексуальный опыт с девочкой Лизой. Мышкой Лизой, за которую я решил заступиться чисто по приколу. Ну, забавная была ситуация. Ещё и Элина капец мозг вынесла. Хотелось кому-то по морде захватить. Вот и решил отыгаться на этом бандюгане возле общаги...

Да, с**ка. Я в очередной раз навернул вкусность, которую она оставила мне в рамках рациона на вечер по диете перед боем, когда уходила домой. И я его с кайфом сожрал, а потом пошёл в душ и дрожил, думая о ней.

А прочить было уже нельзя... Категорически...

Тогда я ещё наивно полагал, что вырuchu.

Лиза слишком нежная, забитая и в целом другая девочка, чтобы становиться частью моего мира по полной. Мне искренне хотелось чисто по-братски защитить её от всякого говна. И дело было не в том, что она была слабохарактерной. Просто она была иной. Не такой, например, как моя мать или стервозная сеструха Алиа. Сила Лизы была в другом — в жертвенности и обострённом чувстве справедливости, в её искренности и преданности. Она не могла кусать, когда кусали её. Она не могла нападать. Она просто должна была родиться в хорошей благополучной семье. И папочка должен был выдать её лет в семнадцать замуж за доброго перспективного оладуха со стабильными планами на жизнь.

Но Лиза оказалась в мясорубке большого города. И судьба, словно бы нарочно, подкидывала ей одного укурка на пути хуже другого. И ведь я не был лучше. Я точно такой же укуроч на её пути. Что её ждало со мной? Жениться я не собирался ещё лет пятнадцать. Об этом думать даже смешно было. Проводить с ней милые безмятежные вечера тоже не мог и не хотел. Мой образ жизни другой, и отказывать себе в нём я не хотел. А она? Она бы не вписалась.

Если бы она была менее ранимой и тонкой натурой, она могла бы быть рядом, но... я был уверен, что рано или поздно такой формат отношений разрушит её, разобьёт ей сердце. Да и я... был ли я готов оставаться ей благодарным за вот такую щенячью преданность и правильность в глазах всегда? Хотел ли я её на постоянку? Верность в моём возрасте — понятие слишком краткосрочное. А вот поматросить и бросить в её случае бы не каналo... Разбивать сердце девахе не хотелось... Не заслужила.

Элинка меня устраивала. Красивая, понятливая, статусная. Ебётся шикарно. Вопросов лишних не задаёт, да и за счёт её модельной работы наши графики могли совпадать и синхронизироваться. А ещё ей в целом было по фиг на мои измены. А измены были и регулярно. Ну, смешно же себя сдерживать при таких возможностях. Я слишком хорошо знал, что человек с большими амбициями слишком быстро становится максимально несвободным, и в целом принимал этот непреложный закон. Так почему бы не пользоваться моментом, пока ещё можно?

И пользовался. Элина, её подружки украдкой в туалете, сочные тёлочки в клубах, имена которых я не запоминал, классные давалки, разгорячённые после боёв... Сколько их было... И было классно! Я никогда не унижал и не принижал девок, которых трахал. Это ведь взаимовыгодный обмен. С чего мне их презирать? Они каждая на своём месте, и эти места, как правило, на параллельных прямых с моей жизнью. Только в одной плоскости есть соприкосновение...

Вот только в последнее время в этой самой плоскости контакт не коротил... Ни с опытной Элинкой, ни с другими... Как бы хорошо ни сосали, не вставляло...

Эли словно бы чувствовала это. Старалась пуще прежнего. А всё равно эти её потуги и умения сейчас отдавали приторной оскоминой... Раздражало. Раздражало, что это не на популярную модель у меня стоит при первой мысли, а на...

Что делает нормальный, уверенный в себе здоровый мужик, когда его тянет к свободной телке, да ещё и к той, которая в тайне от тебя питит. А я чувствовал это благоговение

от мышки-малышки... Ощущал на уровне вибраций, как спазмирует в её девственном тельце женский интерес ко мне... Правильно, идёт напролом. А я шёл против течения. Минимизировал встречи. Свёл на нет даже простой зрительный контакт. Нарочито подчёркивал порочную связь с Эли при ней, не стеснялся тискать её и трогать, хотя терпеть не мог вот такой тупой и пошлой демонстрации интима на людях.

Пусть видит и поймёт, что я мудака... И успокоится уже... Вырулит как-то до конца года, закроет сессию, продолжит спокойно учёбу, и мы каждый пойдём своими дорогами.

Думал об этом — и чувствовал себя жалко.

Придурок.

Перетерпи. Лучше же будет.

Мне будет даже приятно вспоминать потом, как я помог красивой хорошей девочке, и при этом не опустился до грязи и пошлости... Не замарал её своими хотелками... Со временем в её памяти я останусь светлым пятном... И она с улыбкой может даже расскажет подругам о том, что есть благородные рыцари, помогающие бескорыстно хорошим девочкам...

Вот только всё это мои милые наивные рассуждения, подобно кораблю, налетевшему на риф, разбились кормой о щепки.

Была суббота. Я честно не знал, что она ходит в клуб по выходным, потому что сам старался так организовывать неделю, чтобы проводить это драгоценное время с семьёй.

У нас началась сушка перед боями. Непростое время, когда поддержка и социализация стаей, как мы любили говорить, архиважна. Ребята сами вызвались на кардио в час дня. В спортзал мы спустились компанией. Я — и пятеро молодчиков. Тех, что смотрели на меня, раскрыв рот. Тех, чей звёздный час был либо впереди, либо чья звезда бы не зашла никогда, но пока они верили в тот самый момент, который впереди...

Открываю дверь первым, свет горит — и уже хочется материться, что вчерашние долбоебы, закрывающие помещение, не выключили его. Но только потом перевожу глаза туда, куда внимательно смотрят все ребята — и охреневаю.

На тренажере в позе рака Лиза. В обтягивающих трениках и топике. В ушах наушники, и потому она не слышит вошедших. Зато вошедшие смотрят на её ох**ную задницу в форме сердечка и на идеально красивые, прокачанные мышцы на спине, которые напрягаются от жима так сексуально, женственно и естественно, что хочется выть. Пиздец красивая... Сокрушительно. Движения грациозные, таящие в себе столько чарующей женственности. А ещё хвост. Не обычный пучок, а хвост... Белоснежные волосы разметались по чуть вспотевшей спине... Она выгибается снова и снова.

Чётко, ритмично, красиво и призывно. И что-то напевает себе под нос через слово. Голос нежный и мягкий. Словно бы стонет под тобой...

В голове вспышками фантазии... Намотать белоснежный шёлк на кулак, дернуть на себя, втянуть запах ванили и сахара, которым стал пропитан весь клуб, стоило ей переступить его порог...

— С**ка... Всё резко наверх. Кругом марш! — приказал злобно и сам пошёл за ними. Даже не стал её окликать. Разогнал всех на хрен и сам ушёл. Не было сейчас сил с ней встречаться глазами. Не хотел, чтобы знала, что видели...

Вот только видели, мать его... Все видели... И с того дня стали на неё смотреть так, словно бы были готовы сожрать с потрохами...

И это внимание ебучее... Андрей раздражённо вздыхал, что пацанье поводы искусственные придумывают — лишний раз к нему зарулить, чтобы на неё попялиться или обменяться тупыми фразами-подкатами. Что шоколадки ей таскают и даже цветочки. Что поджидают у входа и пытаются без палева предложить проводить или помочь с какими-то делами.

— Ты сам виноват, Саид. Это мрачное царство может вытянуть только воблу Катьку, которая полы моет у нас третий год, а её ребята как женщину в упор не видят, и твою стерву Элинку. Лиза ещё накликает нам проблем... Она как баба на пиратском корабле...

Я игнорировал её слова. Наверное, потому что боялся, что если я её отсюда уберу, хотелки ведь не закончатся — а у пацанов свободы будет больше к ней начать докапываться. Уже фактора клуба не будет... И потому затягивал...

Наивно полагал, что мой внутренний армагеддец виден только мне...

Иллюзию развеял Алмаз. Взрослый уважаемый мужик. Добропорядочный семьянин... Ему стоило раз поймать мой взгляд на Лизе, когда она заносила в кабинет график для согласования совместного пресс-подхода, чтобы он мягко и ненавязчиво, но в оправданной патерналистской манере сделал мне замечание... А может, это скорее был совет...

— Свою девочку, как и чувства, лучше держать подальше от ринга, Саид... Поверь моему опыту... Я вот на этом в своё время сильно обжёгся... Алану тоже такое никогда не позволял...[1]

Выдыхаю часто и уязвлённо.

— Она просто помощница. Между нами ничего нет. Хорошая девочка, которой нужно было помочь...

— Не перестарайся с помощью, — усмехнулся старший товарищ и быстро перевёл тему. Дальше унижать меня рассусоливанием моего отношения к Лизе он не стал, но я точно знал — посыл донёс. И он был прав...

Но я всё равно тянул.

Тянул и думал о ней перед сном. Думал о её волосах, о её губах, о... Когда услышал в раздевалке, как пиздюки обсуждают её, кровь вскипела...

— Уверен, она капец узкая внутри... Видел, какая крошка миниатюрная... и ведь всё при ней...

Просто подошёл и вьё**л со всей дури так, что голова бедняги впечаталась в шкаф. Пришлось швы накладывать.

Андрея на том моменте размотало.

Он закрылся со мной в кабинете, налил, вопреки всем правилам на время сушки, вискаря в стакан, заставив выпить, и злобно процедил.

— Трахни что ли её уже, чтобы отпустило. Не могу уже на это смотреть... Саид, я понимаю, что у тебя денег куры не клюют и ты просто развлекаешься, но ребята зависят от тебя, все мы тут вообще-то на процентах от боёв... Не подводи...

— Не подведу... — сипло ответил, отводя глаза... — И... перестань уже придумывать. Она не такая...

Сказал сипло, чувствуя, как горло обжигает слишком щедрый, жадный глоток виски.

Сказал, а через пару дней сам охренел от того, как оно всё повернулось...

Глава 10

— Что делаешь сегодня вечером? — спрашивает Казбек, молодой мускулистый парень, который уже раз тридцатый пытается позвать меня на свидание за эту неделю.

Я тяжело и вымученно выдыхаю, на секунду закрыв глаза. Не хочется грубить, но он словно бы не понимает... Нельзя же быть настолько назойливым...

— Казбек, не имеет значения, что я делаю сегодня вечером — я не пойду никуда с тобой — ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо...

— Почему... — его голос сейчас звучит сипло и надтреснуто. Уязвлён.

Кулаки сжимаются. Невольно чувствую, как по позвоночнику прокатывается волна адреналина. Он пугает меня — вот такой своей неадекватностью уж точно...

— Потому что мне неинтересны отношения в рамках этого клуба и вообще...

Резко оборачиваюсь на шум со стороны входной двери — в помещение вваливается Саид и Элина. Напряжение между ними просто искрит. Так сильно, что отбивает волной по нам...

— Я считаю, что этот вонючий фотографиска — наглый, зажавшийся боров! Он просто хочет больше бабок за свою работу! Фотки были чудесными!

— Я не знаю, что ты бесишься!

— Я не бешусь, Элина! — огрызается Саид. Мрачный, как тень. — Мне и так эти грёбанные съёмки даются очень тяжело! Я не клоун и не чучело, чтобы часами позировать для других мужиков! Потому меня не устраивает, что вычеркнутые три часа моей жизни пошли в топку!

— И в этом виновата я?! — начинает она визжать, догоняя его, решительно шагающего до своего кабинета. — Может быть, дело как раз в том, что у тебя на лице вечно мина одолжения и презрения к происходящему?! Так не снимайся! А то как-то это подло — и бабки за съёмки получать, и ненавидеть это.. И рыбку съесть и...

Она осекается, потому что в этот самый момент он резко оборачивается на неё. Перегнула палку. В миллиметре от необратимого. Невольно цепляет взглядом мой стол за стеклом... И видит всё ещё нависающего над ним Казбека, которого словно бы сваркой приварили...

Я прям вижу на глазах, как его и без того тёмное лицо мрачнеет ещё больше. Скулы проявляются и выступают на лице ещё более отчётливо. Глаза сужаются до двух устрашающих щёлочек...

Вместо того чтобы идти своим заданным курсом, он резко разворачивается на каблуках и идёт напрямиком в сторону моего предбанника...

Дух захватывает. Перестаю дышать...

— Что за хрень? — слышу с порога и понимаю по тону, что всё ещё хуже, чем предполагала... — Ты какого черта тут ошиваешься?

Бросает уничтожающий взгляд на Казбека.

— Марш на маты. Десять подходов вне очереди, — накидывает сверху суровое спортивное наказание.

Когда мой горе-ухажёр ускакивает горным козлом, гнев Тигра обрушивается на меня.

Невольно хватаю глазами через его плечо силуэт Элины. На её лице торжество. Она искренне счастлива, что моя скромная персона сейчас перетянула гнев Саида на себя...

— Я что тебе говорил?! Какого хрена ты устроила тут бордель, Лиза?! Почему они ошиваются у тебя в кабинете вместо того, чтобы заниматься?! Я за что тебе деньги плачу?!

Его обидные угрозы сыпятся на меня колючками одна за другой.

Отражать их даже не имеет смысла — Саид сейчас в монологе и явно просто спускает пар...

— Я просил тебя соблюдать элементарные правила поведения в этом месте. Что здесь сложного?!

— Саид... я...

— Мне не интересны твои оправдания. Это последнее предупреждение, Лиза, — усмехается жёстко. — Уволю и больше в твоё положение не войду!

Внутри всё переклинивает.

Что он только что сказал?

В положение моё вошёл?

Элементарные правила поведения я не соблюдаю?!

— Слышишь, — сжимаю сейчас в ярости кулаки точно так же, как это только что делал Казбек. И в этом не только злость. Это ещё, оказывается, и беспомощность... — Во-первых, никто не имеет права обвинять меня в том, что я провоцирую или не соблюдаю какие-то правила! Если твои бойцы-обезьяны голодные — это их проблема! И ты сам меня сюда притащил! У меня была работа официантки! Я не просила тебя о трудоустройстве! Да я вообще тебя попросила только раз, Саид! Что ты прицепился ко мне?! Что за аттракцион невиданной щедрости?! Просто хочется видеть девочку для битья рядом, потому что стерву Элину так шпынять не получится?! Нравится отыгрываться на мне?! Орать, бесцеремонно приказывать, не замечать, как тень?! Нет уж!

Я резко вскакиваю со своего места. Элина уже не улыбается.

— Я увольняюсь! — бросаю в лицо Саиду и тут же разворачиваюсь, направляясь прямоком на выход. — Отрабатывать не буду, потому что я и так тут торчу вечно во внеурочное время! И трудовую книжку мне тоже никто не завёл, кстати. Андрею напишу, чтобы он меня рассчитал по сегодняшнее утро.

Всёго хорошего!

Не дожидаясь его реакции. Оказываюсь в пронзительном дождливом утре, жадно делаю вдох за вдохом.

Иду первые несколько минут в состоянии аффекта, сама не понимая, куда и зачем...

Спустя какое-то время осознаю, что у меня снова и снова вибрирует телефон в кармане, а я даже не почувствовала от шока...

Смотрю на дисплей — руки подрагивают. Бабуля... Пятый раз звонит...

Господи, что-то серьёзное, наверное.

— Алло... — пытаюсь придать голосу как можно больше твёрдости и спокойствия...

— Алло, Лизонька! — по причитаниям, переходящим в стоны, понимаю, что дело труба... — У нас беда, деточка! Такая беда! Просто не представляю, что теперь делать!

Глава 11

Сижу уже битый час и смотрю в одну точку. Понимаю, что времени нет от слова совсем, а что делать — ума не приложу. Паника сменилась ужасом осознания неотвратимости ситуации, в которой мы оказались. Слова бедной плачущей бабушки бьют по голове кувалдой снова и снова...

— Лизочка, я просто не понимаю, как так получилось! Они позвонили мне на телефон, представились органами власти. Всё было так правдоподобно! По имени-отчеству называли, мои паспортные данные даже сказали! Начали говорить, что у нас задолженность по квартплате два года, а какие два года! Ты же знаешь, внучка! Я в банк хожу до десятого числа каждый месяц лично! Не доверяю этим всем вашим приложениям! И всё у меня заплачено наперёд! Чтобы без пени! А тут... Семёновна в ЖЭКе проверила... Документы и правда переписаны были! Квартиры нет! А потом этот звонок! Они требуют три миллиона, Лиз! Я не знаю, что делать! Не знаю! Мы с тобой на улице оказались!

Она не знает. И я не знаю... Бедная моя бабуля... Кому мы понадобились?! Одно дело — лошить богатых! У кого есть что отнять! Но старушек с барачными двушками в домах с деревянными перегородками! В Купавне! Посёлке городского типа! Господи, ну есть разве сердца у людей?!

Я пропускаю уже вторую пару. Просто не могу сдвинуться с места.

Приросла к лавке на центре. Смотрю в одну точку. Не понимаю, что делать...

Возможно, если бы не было того тихого ужаса, что случился с утра в клубе, я бы могла обратиться за помощью к Саиду, но сейчас...

Нет... Ни за что... Не после того, что приключилось...

— Лиз! — не с первого раза реагирую на окрик Веры. — Ты что такая? Шаблов спрашивал про тебя, почему семинар пропустила, никогда ж не пропускала... Ты ж знаешь, что он прогульщикам не ставит автоматы. Я наврала, что ты заболела, а ты...

— А я в жопе, Вер... — голос сухой и безжизненный. Как ветер в трубе.

Промозглый ветер... И на душе сквозняк...

— Опять что ли бандюганы прикапывались у общаги? — спрашивает, насупившись Верка. — Так у тебя ж теперь вроде как защита Гаджиева... Все знают, что ты у него в команде подрабатываешь...

— Я сегодня от него уволилась. Не подрабатываю я больше нигде...

Она поджимает губы.

— А что тогда с баблом будешь делать?

Она спрашивает — а меня начинает трясти. Сначала от истерического смеха, а потом от рыданий.

Не контролирую себя.

Настолько, что люди мимо ходят и озираются на нас.

— Лииз... — Верка испуганно оглядывается. Очевидно, такое неадекватное поведение — явно не лучший вариант для демонстрации на центре нашего до предела рафинированного вуза... — Давай-ка ты успокойся и всё мне расскажешь...

Берёт меня за руку, куда-то тянет...

— Да пусти ты! — пытаюсь вырваться.

— Ты что творишь? — шипит она, как змея. — Сейчас стукачи в деканат донесут, что ты рамсишь! Бери себя в руки! Никто же не умер?!

— Нет... — выдыхаю я.

— Ну вот! Раз не умер, то рассказывай давай, что стряслось! Придумаем что-нибудь! Пойдём в кафе снаружи. Там сейчас никого из студентов нет, время удачное. Все либо смылись, либо на парах!

— У меня денег нет на кафе!

— Я тебя угощаю!

Спустя пятнадцать минут, так и не притронувшись к чашке кофе, стоящей передо мной, я рассказываю ей, что случилось. Вера слушает напряжённо, но не отстранённо.

То и дело кивает, задаёт наводящие вопросы.

— Сейчас от такого скотства никто не застрахован, — выдыхает сочувственно. — Моей знакомой вообще позвонили, представившись органами ФСБ. И даже чтобы подтвердить, что они настоящие, перевели звонок на видеоконференцию, представляешь? Она включает камеру — а там реально человек в погонах, сидит под гербом, в кабинете, весь такой важный... Чудом отделалась — не поверишь — телефон разрядился, звонок сам прервался, а так точно б попала...

— Что делать мне, Вер... — обречённо выдавливаю из себя остатки воздуха. — У меня нет трёх миллионов за три дня. И квартиру не вернуть — она реально отписана на этих аферистов.

— Саид?

— Исключено... — губы снова начинают трястись. — Да и не уверена, что он будет готов со мной говорить после нашей ссоры. Я ушла, хлопнув дверью... И у меня есть хоть капля

гордости. Не могу я на такое пойти... Я вот что думаю... Может, почку продать? Слышала, у нас такое делали в посёлке...

— Лиз... Не пари чуши. Почку так просто никто у тебя не купит с бухты-барухты. Не жести... — сидит, думает, губы поджимает, а потом вдруг как вскинет на меня взгляд. — Зато я знаю, что точно ты можешь продать и что в принципе тебе не нужно и так или иначе скоро всё равно от этого избавляться...

Я недоуменно таращусь на неё, а она вдруг аж расцветает. Улыбка до ушей, словно бы, как Ньютон, открыла закон всемирного тяготения...

— Девственность, Лиз. Вот то, что можно оперативно и очень дорого продать в твоём случае! И не за три миллиона, а за пять! И закрыть сразу два вопроса! И бабушке помочь, и с учёбой разобраться! Всё равно она рано или поздно достанется какому-то козлу, а он любому будет козёл, потому что все они такие! Зато ты в прибыли!

— Кому она нужна, Вер?

— Ты что?! Прикальываешься! Даже представить не можешь, скольким! А ну-ка, давай не будем времени терять! Пойдём быстрее!

— Куда?!

— В общагу! Сделаем тебе классные фоточки посексуальнее и разместим объявление!

— И где ты их разместишь?

Верка дельно шурует в телефоне и потом с гордостью протягивает мне ответ в поисковике. Мои глаза округляются. Даже представить не могла, сколько извращенцев ходит по нашим улицам...

— Пойдём, раз каждая минута дорога. У тебя ж есть тот красивый белый комплект? Помнишь, белорусский? Самое то! Белое кружево хорошо будет смотреться на твоей коже. И волосы тебе распустим. Макияж не нужен! Мы продаём невинность! А у тебя она такая ярко-манящая, что закачаешься! Вот увидишь, Лизон! Ещё и биться будут на аукционе за твою целочку, — игриво щипает меня Верка за бедро, подгоняя, словно бы сейчас разрешила палестино-израильский конфликт и не иначе, как кандидат на Нобелевскую премию мира.

Я в совершенном шоке от её идеи, но ничего умнее придумать не могу...

Глава 12

Я до сих пор не понимаю, как я на это решилась.

У Верки всегда было чуть больше бесстрашия, чуть меньше тормозов и такой заразителный авантюризм в глазах, что рядом с ней я чувствовала себя или героиней, или полной трусихой. И понимала головой, что в нашей ситуации скорее было уместно это самое «загрести жар чужими руками», но сделать ничего не могла. Не видела другого выхода. Слишком большая сумма, слишком давили коллекторы, которым я попросила бабушку дать мой номер, чтобы они звонили мне, а не ей с её сердцем и так расшатанным.

Ей трусливо сказала, что отныне этим вопросом будет заниматься мой парень.

— А что за парень, Лиз? Ты мне не говорила... — растерянно тогда сказала бабушка.

Я почувствовала, как ком нарастает в горле.

— Хороший парень... Заботливый и способный решить все мои проблемы, — не разрыдаться, когда я врала бабуле, было той ещё задачей...

Не было у меня ни парня, ни того, к кому бы я могла обратиться...

Не было...

Как вспоминала полный презрения и ярости взгляд Саида, так сильно поглощённого своими бурными отношениями с этой дылды Элиной, кровь в жилах стыла.

Представила, как надо мной будут потешаться его дружки, если я снова появлюсь с просьбами, да ещё какими... Как побитая собака...

— Да не дрейфь ты так, Лизон! — воодушевляла Верка. — Даже не представляешь, сколько людей это делают! В наше время, когда выгодно продают даже воздух, не получить капитал с такого выгодного дела упускает только дурак.

— Что ж ты сама не продала? — тогда огрызнулась я.

Она засмеялась.

— Было бы что продавать, даже не сомневайся... Где там моя девственность эта... В десятом классе на выпускном под лестницей в школе...

Уже в тот же вечер, наскоро обработав фото примитивным приложением, чтобы выглядело более гламурно, мы зарегистрировали мой профиль на каком-то странном сайте — полусекретном, но с огромным количеством объявлений и шокирующе активной аудиторией. Какой кошмар, а ведь и правда целый мир со своими правилами... И все эти люди ходят с нами по одним улицам... И даже кажутся приличными...

Мне казалось, такие вещи существуют только в фильмах или в криминальных новостях, но вот она я — загружаю фотографии из Веркиной фотосессии. Сатиновое белье, бокал вина в руке (а вернее гранатовый сок, нашёдшийся в холодильнике), немного света — и много тела. Я смотрела на кадры с дрожью в груди. Это была я. Но как будто не я. Я вообще не знала, что могу быть такой...

— Слушай, я, конечно, тот ещё эксперт, но ты очень фотогенична, Лиз. Вот прям любит тебя камера. Я, блин, чучундра, как ни стану, даже что красивое, на фото выглядит убого. А у тебя что ни ракурс — огонь...

Верка загрузила фотографии, пока я закрывала лицо руками, всё ещё не веря, что ведушь на провокацию.

— Не бойся, Лиз. Сейчас увидишь — попрут заявки, как с аукциона. Воспринимай это как медицинскую процедуру... А что, так и есть. В Азии уже давно принято избавляться от девственности в результате хирургических манипуляций...

Вот эти её умничанья о том, что принято «в какой-то Азии», вообще добивали. Как ни приправляют позор, он всё равно останется позором...

И правда, поперло. Но не так, как я надеялась.

Профили с немецкими, французскими, бельгийскими флагами. Мужчины — зрелые, даже старые. Солидные, состоятельные, судя по готовности принять у себя за свой счёт с перелётом или оперативно прилететь сюда...

Но вопросы... Господи, какие вопросы они задавали. «Ты уверена, что девственна? Мне нужна справка, подтверждающая, что гименопластики не было», «Можно ли сперва осмотреть тебя лично?», «Ты не против, если мы всё запишем на видео?».

А ещё торг, торг, торг... Я даже на рынке у нас в Купавне не видела, чтобы так торговались...

Хотела удалить всё. Пропасть. Испариться...

Верка держала меня за руку:

— Мы почти у цели. Ещё чуть-чуть. Главное — не срываться и не понижать ставку. Как видишь, предложений много... У реально готовых платить мужчин выбор большой...

Время поджимало. Деньги нужны были сейчас. И я почти сдалась. Почти смирилась. С тем, что, возможно, мне придётся встретиться с одним из этих ухоженных, но всё-таки воняющих антикварной стариной европейских дядек в отеле с извращёнными пристрастиями...

И вдруг — новое сообщение.

Он не торговался. Он не задавал вопросов. Скинул свою медицинскую справку. Предложил сначала встретиться в кафе и только потом поехать в отель, если всё устроит. Даже согла-

сился отправить на виртуальный счет несколько сот тысяч рублей — чтобы я понимала, что всё серьёзно. Залог, так сказать. Чтобы я вывела своё объявление в статус неактивных с сайта.

Я онемела, таращась на экран.

Клюнул.

Скоро этот бред может стать правдой...

Верка прыгала по кухне с визгом торжества. Я чувствовала, как сердце бьётся в горле. Для неё всё это было азартной игрой, а я... Это я засунула свой хвост в прорубь и ждала, пока его хорошенько прикусит какая-то пиранья, пока она радуется успеху своей затеи...

— Думай о том, что после этого ты свободна! И долг бабули закроешь, и учёбу! Спокойно будешь дальше учиться и не будет никаких уродов, которые будут тобой помыкать! Я ж говорю — все мужики козлы! Какая кому разница, кто есть кто!

Сайт давал чёткую рекомендацию, как действовать, чтобы сохранить подобие дискретности и действовать в безопасном для себя поле. Мы купили мне новую симку. По ней я и разговаривала с клиентом уже вне сайта, представившись Милой...

Мы договорились встретиться в кафе. Немного мрачное, закрытое, в переулке, зато в центре. Я пришла немного раньше. Ноги подкашивались. Всё внутри было натянуто, как струна. Огляделась — в принципе выбор понятен. Мужчина, наверное, как и я, стремится к конспирации...

Заняла столик. Мой «клиент» задерживался.

Подошёл официант, хотя я его и не звала...

— Это Вам просили передать...

Передо мной на столе тут же вырос высокий стакан с нелепой ёлочкой сбоку. Явно какой-то навороченный коктейль. Почему-то стало совсем не по себе...

Понимаю, оглядываясь, что не считая меня и ещё одного мужчины за столиком у окна здесь и клиентов нет...

Или время такое...

А может, этот мужик и есть мой клиент?

Моим мыслям не суждено было разыграться.

Потому что в этот самый момент над головой у себя я услышала насмешливое и до дрожи знакомое.

— Ну, здравствуй, плохая девочка Лиза...

Глава 13

Я выдохнула совершенно весь воздух из лёгких, как будто меня пырнули ножом.

— Лиза... Лиза... — Он вальяжно улыбался, понимая, что поймал меня с потрохами... — Не ожидал... А ларчик, оказывается, просто открывался... Что сразу не сказала, что для того, чтобы вые**ть тебя, нужно просто заплатить?

Я вскочила, чувствуя, как паника затопляет всё моё сознание.

Игорь — последний человек, к которому я бы обратилась! Господи, как он узнал?! Какой кошмар! Он знает! Меня теперь... интересно, за такое отчислят из института?! Да о чём я думаю?! Мне и самой придётся уходить — он загравит, ещё и выселение на улицу... Теперь ведь денег точно не будет...

Я бросилась к выходу, так и не решившись что-то ему сказать. Тотальный стыд сковал мои движения. Сердце колотилось. Ноги заплетались. Мне казалось, каждый человек, кто сейчас встретится на моём пути, будет тыкать в меня пальцем и хохотать над моим бесчестьем...

Но как назло, никого ведь и не попадалось!

Я шла в направлении метро так быстро, что задыхалась.

Боялась обернуться, но точно знала, что он не отступает...

— Куда же ты, Лизок?! У нас номер в отеле забронирован! — чувствую на локте грубый захват. Он дёргает на себя. — Че встрепелась так? Всё по правилам. Я тебе аванс закинул, так что мотильда твоя моя теперь!

От его грубости подступили спазмы тошноты.

Он смотрел на меня так зло и одержимо, что паника нарастала с каждой секундой.

— Пусти... Пу...

— Замолчи уже, — пнул меня, от чего я грубо стукнулась о стену, оказавшись вне зоны освещения фонарей.

Какой тёмный переулок. И безлюдный.

Только сейчас глазами цепляю, что это внутренний двор-колодец какого-то старого дома, где не горит ни один свет.

— Будешь вые**ться, я тебя трахну прямо здесь, в подъезде заброшенном. И никто не услышит — всех расселили по реновации. Пахан лично проектом руководит, я точно знаю. Как тебе, Лиза... — подходит и трогает обманчиво нежно по лицу. — Как раз твой уровень, лоушка... Быть вые**ной в подворотне...

Я жмурюсь и начинаю трястись... Тотальное чувство бессилия сковывает тело.

Словно бы в предсмертной агонии я резко подаюсь в сторону, надеясь от него сбежать, но вместо этого вызываю только больше агрессии.

Игорь хватает меня пятернёй за горло и сильно его сдавливая, от чего перед глазами тут же бегут сотни мошек...

Я не кричала. Уже не могла. Горло пересохло, как будто меня протащили через пустыню, а не зажали в вонючей подворотне.

Вдруг скрежет со стороны. Визг шин. Резкий удар по тормозам. Я вскидываю в совершенной прострации глаза в сторону слепящего света фар.

Они освещают тёмный переулок, как будто вторгаясь в его зловещесть и необратимость. Запах мокрого асфальта и моего страха и... надежды, а может, и окончательной обречённости. Сердце колотится, как птица в клетке.

Горло, наконец, освобождается от захвата. Я кашляю, а потом пытаюсь прийти в себя.

Две мужские фигуры напротив. Саид и Игорь. Оба смотрят на меня. Как голодные звери. Как будто я не человек. Как будто я — трофей. Добыча. А я и есть такая... Не способная в этом мире хищников играть какую-то другую роль...

Саид делает шаг вперёд. Его глаза сверкают.

— Смотрю, Игорь, ты начал веселье без меня... — хрипло и тихо говорит Саид, но я боюсь его голоса сейчас не меньше, чем этого уроды Игоря...

Страх перед Саидом совсем другой природы.

Он граничит с раболепием...

— Я тебя на него не приглашал, друг. Всё по правилам. Она сама выставила себя на продажу. И я купил...

— Пока не купил... — усмехается Саид. — Насколько я знаю.

— Я перевёл предоплату, — словно бы оправдывается Игорь.

Я вижу, что он пытается урезонить Саида. Не обостряет, а именно играет на логике и правилах... Наверное, с такими, как Саид, обострять чревато... Он уже это проходил.

— Я тебе верну предоплату, Игоря, — усмехается Саид. — Правила изменились. У тебя теперь два претендента, Лиза. Придётся сейчас выбрать...

Обращается ко мне, а у меня кровь в жилах стынет...

Я не в силах оторвать взгляда от пола...

Шок, стыд, ужас...

— На меня посмотри, — приказывает он не громко и резко, но так, что я даже не сомневаюсь, что мне не стоит перечить. — В пол будешь потом смотреть, когда воспитаю тебя...

Мы встречаемся глазами. Обжигаюсь.

Хочу испариться. Не хочу сейчас существовать. Но всем горящим в агонии телом понимаю, что я материальна. Как никогда...

— Мы оба можем купить тебя, — говорит он, голос ледяной и ровный. — Но поедешь ты со мной.

Он поворачивает голову к Игорю, спокойно, почти лениво:

— Потому что если ты, с**ка, хоть пикнешь — я вырублю тебя одним ударом. И ты прекрасно это знаешь...

Тишина падает тяжелее, чем выстрел. Игорь смотрит на меня. А я — на Саида. Две пары глаз, жадных, злых, готовых разорвать. Оба одержимы. Оба готовы на всё. Но только один из них уже победил.

Глава 14

Мы несёмся по тёмным улицам, мокрым от только что прошедшего дождя.

Я трясусь — в салоне авто слишком прохладно. Как он терпит, только в футболке...

Саид видит, что я ежусь, и повышает температуру на пару градусов.

Я ничего не спрашиваю сейчас.

Стыд и страх затуманили пространство.

Просто смотрю вперёд.

Ощущение — что это взгляд в пустоту бездны, куда я лечу вниз головой.

Мы в центре — огни вокруг слишком лощёные и яркие. Витрины Тверской сверкают своей роскошью и успехом. Мы сворачиваем в один из переулков и уже через минуту его суперкар тормозит у гармошки подземного паркинга. Она опускается от нажатия им пульта.

Паркуемся с разбегу.

— Выходи, — первое обращение ко мне после дикой сцены в переулке, когда он выиграл в психологической дуэли с Игорем, всё-таки не использовав кулаки.

Она звенит своим красноречивым немногословием в моей голове снова и снова. Наверное, я запомню её на всю жизнь — как рубеж моей фатальной ошибки или спасения... Не знаю...

— Садись в машину, — тогда приказал он, когда я нашла-таки в себе силы поднять на него глаза и сказать, что я поеду с ним...

Помню сдавленный мат Игоря. Помню, как он резко подорвался со своего места, больно ударив меня плечом.

— Всё равно тебя вые**у, — процедил он сквозь зубы.

— Ещё раз прикоснёшься к ней или подойдёшь ближе ста метров, я тебя убью, — услышала со спины холодный металл голоса Саида.

Почему-то я была уверена, что он не лукавит...

Серое покрытие паркинга с ярко-жёлтой разметкой и специфическим запахом, лаконичные, но стильные стены лифта... Я избегаю смотреть в его глаза. А он смотрит. Чувствую на себе его глаза.

Гулкий звон раскрывающихся дверей — и мы тут же оказываемся внутри его квартиры.

Саид тут же проходит внутрь, не снимая обуви.

— Не стой в дверях. Ванная направо.

Зависаю на его словах. Он хочет?... Господи... Сразу?

— Я... Мне... — мнусь, осмелившись поднять на него глаза.

Натыкаюсь на усмешку. И в то же время — в его глазах светится такой нездоровый, такой алчный азарт, что внутри снова всё скручивается в узел...

— Руки помой, Лиза. Пока больше ничего не нужно...

Он понял, что я хотела у него спросить... Какой позор... Господи...

Долго-долго тру свои кисти ароматным мылом. Я такие тонкие сложные запахи и не слышала никогда...

Смотрю на своё отражение — ужас. Бледная, потерянная, забитая...

Включаю ледяную воду, ополаскиваю лицо, протирая влажными ладонями по волосам... Нужно выходить... Что бы меня ни ждало там, за дверью, нужно выходить...

Распахиваю дверь и сразу чувствую запах еды — ароматный и влекущий. Иду на шум.

Саид орудует на острове в гостиной. Его шикарная квартира с совмещённой кухней и жилой зоной. Мрачные, но дорогие тона, много дерева и металла, но не холодно...

— Я заказал паназиатскую. Не знаю, ешь ли ты такое, но это самая быстрая доставка — из ресторана внизу. Ждать нет сил, я с утра ничего не хавал, тренер убьёт.

Он говорит со мной сейчас спокойно и даже дружелюбно. И на миг мне кажется, что всего того ужаса, который я пережила за последний час, не было. Но нет. Правда обрушивается на меня другим страшным осознанием — долг коллекторов никто не отменял. Либо я нахожу деньги, либо забирают нашу квартиру...

Прохожу к нему, закусив губу.

— Помочь чем-то?

— Не надо, поедим без тарелок, так удобнее убирать, — машет он небрежно рукой.

Вопросительно смотрю на изобилие каких-то странного вида экзотических блюд в красивых аккуратных коробочках. Я и правда никогда такого не ела... даже стыдно признаться.

Он протягивает мне палочки. Сам садится и начинает быстро есть. Я пристраиваюсь рядом.

Суши я ела пару раз в жизни, но не скажу, что большой эксперт в оборудовании экзотическими приборами...

Он снова словно бы считывает моё состояние, хотя сейчас даже глазами не ведёт.

— Вилка в верхнем шкафу сбоку, Лиза. Давай уже, ешь, а то дел слишком много. А нам нужно ещё поговорить, — на последних словах обжигает меня своим взглядом.

Я молча киваю и пробую нечто похожее на макароны с курицей. Вкусно. Немного остро-сладковато, но мне нравится...

Спустя пятнадцать минут ужина совершенно без слов он-таки откидывается на стуле и поднимает на меня глаза.

Как назло, в этот самый момент я пытаюсь втянуть губами длиннющую макаронину, которую неосмотрительно не разделила вилкой...

— Рассказывай, Лиза, — произносит он, задерживаясь глазами на моих губах дольше, чем нужно. — Что опять за чужь ты выкинула...

Выдыхаю и собираюсь с силами. Он должен понимать степень моего отчаяния...

— Мне срочно понадобились деньги...

— Это я уже слышал... Месяц назад они тебе тоже остро были нужны, и мы, вроде как, решили этот вопрос, — он звучит сочувственно, но иронично и презрительно.

— Моя бабушка... — нервно сглатываю. — Я живу только с бабушкой. У меня больше нет никого. Так вот, моя бабушка пару дней назад случайно... переписала квартиру на мошенников... Теперь они звонят и говорят, что вернут её, только если получают налом три миллиона рублей. Или квартиры обратно не видать... Мы даже в ЖЭКе консультировались. Там и правда по Госуслугам высвечивается, что всё имущество переписано... Я не знала, где ещё взять деньги... Верка предложила...

— Ко мне почему не обратилась? — спросил он, продолжая меня прожигать глазами.

— Ты... мы... не после того, что было... Как я ушла... Что ты говорил... незаслуженно...

Саид усмехается.

— Незаслуженно... — повторяет многозначительно мои слова. — И ты решила пойти самым гениальным из всех возможных путей...

— А как ещё мне было найти такую сумму, Саид? Ты... ты бы видел, как смотрел на меня, я... Когда Верка предложила...

— С Веркой ты больше не общаешься, — снова это ледяное спокойствие в голосе. Я осекаюсь.

— Да, она та ещё придумщица, но она...

— Она нарочно подсунула тебе эту дебильную идею с девственностью. Потому что была в сговоре с Игорем. Думаешь, она просто так тебя на тот сайт натравила и так прекрасно знала, что делать... А Игорь нарочно создал ситуацию с твоей бабушкой. Мой адвокат уже занимается этим вопросом. Скажу честно — если бы я не знал, что за этим стоит Игорь, то дело было бы трубой — по документам вы и правда лишились жилплощади. Ситуацию спасает лишь то, что я прижал яйца Игоря через его пахана. Он, если заметила, смску прочитал бегло на своём телефоне, когда мы с ним торговались за твою целку, — он говорил вот так прямо преднамеренно, чтобы я осознавала всю степень унизости ситуации, в которой оказалась. — Потому и сдрыстнул...

— Как... как ты так быстро узнал? — сипло произнесла я, чувствуя, как к лицу приливает жар, а глаза начинает щипать.

— Верка твоя зассала. Почитала в интернете на форумах, что по факту тоже становится соучастницей преступления. Сейчас с таким строго, если всплывёт, а всплыть могло. Она же знала, что Игорь тебя трахнет — а что, если у вас бы потом любовь была... Всё это вскрылось бы... Она крайняя... Так что мозгов у дуры хватило прийти ко мне, покаяться... В ментовку побоялась — там бы ей точно грозил срок...

Я поражённо смотрю на него. Как рыба, хватаю ртом воздух, но он словно бы застревает в лёгких.

— Саид, я... — пытаюсь что-то сказать, но не получается пока... Я просто в шоке...

— То есть... Вопрос с квартирой решится? Я...

— Позвони бабушке, — произносит он, не меняя позу. Вот так же расслабленно, откинувшись, сидит и смотрит на меня.

Я подрываюсь с места, как ужаленная. Не с первого раза попадаю на кнопки. А ведь от неё пять вызовов! Она сама звонит сказать, что всё хорошо!

Когда слышу слёзы облегчения и благодарности за то, что «мой хороший парень» решил все вопросы, руки просто безвольно повисают петлями. Телефон выпадает на мягкий ворс ковра. Мне бы дёрнуться и в ужасе посмотреть на дисплей — не разбился ли, но я не двигаюсь... Оцепенела...

Тигр встаёт, всё так же держа меня взглядом.

Не отпускает, обходит. Становится напротив...

— Спасибо тебе... — выдавливаю, дрожа. — Спасибо... Ты спас... Не дал упасть...

Он ведёт головой. Словно бы хотел отрицательно кивнуть, но потом вдруг передумал.

Тянет руку к моему лицу и касается скулы. Я вздрагиваю. Пальцы горячие такие. А у меня на коже, оказывается, влага от слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.